

Амалия Лонг

Элита

«Литнет»

2026

Лонг А.

Элита / А. Лонг — «Литнет», 2026

ФИНАЛ Смотрим Буктрейлер Пролетным летом здесь убили мою сестру.Её нашли в подвале магической академии «Аскан» с перерезанным горлом. Магическая полиция сказала — она сама. Я знаю — убийство. Теперь я здесь. Под чужим именем. На птичьих правах от благотворительного фонда. Нищевродка в школе, где учатся дети императорских советников, глав региональных земель, главы тайной канцелярии и магов верховного ранга.

Здесь даже магия не делает тебя человеком, если у тебя нет монет. Меня не замечают. И это мой главный козырь. Но у каждого ученика — свой скелет в шкафу.У популярных королев универа — труп в подвале. У мажора, который покупает всех с потрохами — тайна, за которую убивают. У тихого гения — коллекция чужих секретов.А преподаватели? Красавчик-препод по боевым искусствам спит со студентками. Инспектор с ледяными глазами пытал учеников в подвалах. Ректор собирает компромат на императорскую семью. Я буду терпеть буллинг, улыбаться и притворяться серой мышью. Лишь бы докопаться до правды. Лишь бы понять, кто и почему убил Стэллу. Но я не учла одного.Его. Моего нового сокурсника с опасной улыбкой, шрамом над бровью и взглядом, от которого всё внутри переворачивается. Он смотрит на меня так, будто знает все мои тайны. Он шепчет: «Не лезь. Они убьют тебя». А сам каждый раз оказывается рядом, когда мне грозит смерть. Он врёт. Я чую ложь за версту. Но от его голоса подкашиваются колени. Я должна раскрыть убийство сестры. Я не должна влюбляться в того, кто, возможно, замешан в этом. Но здесь каждый — лжец. Каждый — может быть убийцей. И даже моё сердце, кажется, врёт мне. Тёмный детектив + любовный триллер Вторая книга цикла («Элита: Капил любви» факультет казначейства) (в процессе по подписке)

© Лонг А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1. Нулевая степень	6
Визуал к главе 1.	12
Глава 2. Первый учебный день	13
Визуал к главе 2.	21
Лейла Вэйн	22
Джаред Стоун	23
Кэмерон Рид	24
Ирис Фостер	25
Глава 3. Правила иерархии	26
Глава 4. Тот, кто танцует на костях	31
Тиффани Кросс	37
Глава 5. Тайное собрание	38
Глава 6. Дело Лоры Хейз	46
Визуал главы 6.	51
Глава 7. День лживых улыбок	52
Визуал к главе 7. Триумф Лейлы	55
Томас Рид. Отец Кэмерона	56
Ричард Стоун. Отец Джарерда	57
Глава 8. Сейф профессора Корбина	58
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Глава 1. Нулевая степень

Я вхожу в главные ворота Университета магических искусств «Аскан» с одним чемоданом, пачкой поддельных документов, записывающим амулетом и кристаллом-мемором на цепочке.

Чемодан куплен в комиссионном магазине за восемь пенсов. Амулет, улавливающий голоса на расстоянии до тридцати футов, я сделала сама — три месяца вечеров, спалённых пальцев и инструкций из подпольной библиотеки. Кристалл-мемор, запечатлевающий образы, нашла в мусорном баке у мастерской артефакторов и восстановила за две недели. Документы делал знакомый фальсификатор за сорок крон — всё, что я скопила за год работы в ночной таверне.

Фотографии у меня нет. Ни одной. Сгорела в пожаре вместе с детским домом, когда мне было двенадцать. Лицо Стеллы я помню только так — с закрытыми глазами в морге. Бледное, спокойное, будто она просто уснула. Если бы не ровная полоса на шее и не нож в её собственной руке.

Ей было восемнадцать. Младшая сестра. Моя кровь.

Она мечтала об «Аскане» с четырнадцати лет. Смотрела на студентов в форме, когда они заходили в кофейню, где я работала по ночам. «Посмотри, Элеонора, у них даже пуговицы с бриллиантами. Они живут в другом мире. Я хочу туда. Я хочу быть как они». Она не хотела денег. Она хотела принадлежать. Чувствовать себя частью чего-то большого, красивого, правильного. Там, где никто не называет тебя «мусором».

Я работала на трёх работах, чтобы оплатить ей репетиторов, вступительные экзамены, форму, учебники, проживание. Ей дали место по программе для талантливых сирот — скидку девяносто процентов, но остальное платила я. Каждую крону, каждый пенс. Не спала, не ела, но Стелла поступила. Я помню тот день — она кружилась по нашей съёмной комнатухе, кричала: «Я сделала это, Ава! Я буду учиться с ними!». Я улыбалась и думала, что всё было не зря.

Она продержалась один курс.

Её нашли в подвале старого корпуса в конце учебного года. Сидящей на полу, прислонившись к стене. В правой руке — ритуальный нож с зазубринами, которым она якобы перерезала себе горло. Рядом — лист пергамента с одной фразой, написанной её почерком: «Я больше не могу быть среди них».

Магическая полиция сказала: «Самоубийство на почве академической неуспеваемости и психического расстройства».

Чушь. Стелла была отличницей. Она сияла, когда говорила об учёбе. И нож она держала левой рукой, хотя была правой. И рана шла не слева направо, как при самоубийстве, а справа налево — её кто-то перерезал горло сзади. Я видела отчёт, который мне передал подпольный маг, работавший в морге. Настоящий отчёт, не тот, что дали полиции. Там были пометки: «Орудие не соответствует характеру раны», «Положение тела неестественное», «Записка могла быть написана под диктовку».

Убийство. Замаскированное под суицид.

Я не поверила.

И вот я, Элеонора Митчел, здесь. Под чужим именем, с чужой биографией. *Ирис Фостер*, девятнадцать лет. Сирота из приюта «Новая заря». Благодаря взятке и сданным экстерном экзаменам за первый курс меня зачисляют сразу на *второй курс* Факультета теневой дипломатии и магического влияния. Туда же, где училась Стелла. К тем же сокурсникам, которые видели её каждый день. Которые, возможно, держали её в подвале. Магический потенциал средний.

Пять процентов мест в «Аскане» отдано таким, как я. Отбросам. Потому, как считает ректорат, элита должна учиться «милосердию».

Милосердие здесь измеряется количеством плевков в спину.

Университет встречает меня мраморными колоннами, статуями древних магов с выбитыми глазами и вывеской: «*ASCAN — HIC VERITAS ET HONOS*». Здесь правда и честь. Я усмехаюсь. Честь. Забавное слово для места, где детишки императорских советников, глав региональных земель, главы тайной канцелярии и магов верховного ранга пропитаны мерзотной ложью и чувством собственного превосходства.

Архитектура давит. Высокие своды, витражи с битвами, мраморные полы, отражающие небо. Всё здесь кричит о деньгах. Даже воздух пахнет дорогими благовониями и потом страха — страха тех, кто не вписывается.

На ступенях главного корпуса толпа. Все в форме: тёмно-синие блейзеры с серебряным гербом, белые рубашки. У богатых — золотые запонки, часы за сотни крон, стрижки из лучших салонов. У меня — застиранная рубашка, дешёвые туфли.

Я сливаюсь с серым камнем. Как и планировалось.

— О, смотрите, корм для акул пожаловал, — раздаётся звонкий голос.

Блондинка с ядовито-розовой помадой. Лейла Вэйн. Дочь главы тайной канцелярии. Королева университета. Та, кто «дружила» со Стеллой. Рядом вторая — Тиффани Кросс. Дочь императорского советника по магической безопасности. Её отец лично закрыл дело Стеллы как самоубийство.

— Как тебя зовут, нищевродка? — спрашивает Тиффани.

— Ирис Фостер.

— Ирис, — тянет Лейла. — Красивое имя. Для мыши.

Они хохочут. Я молчу. Улыбаюсь.

— Правило, нищевродка, — Тиффани приближается. — Первокурсники платят дань. Тридцать крон.

У меня есть ровно тридцать крон. Остатки того, что я не потратила на фальшивые документы. Я отдаю молча. Тиффани суёт конверт в сумку.

— Ты прошла первый тест. Но ты всё ещё мусор.

Они уходят. Я сжимаю ручку чемодана и чувствую во рту привкус их лжи. Лейла — тухлое масло и сталь. Тиффани — сладковато-приторно, как испорченный крем. Она что-то скрывает. Что-то о Стелле.

Я запоминаю оба вкуса. Я эмпат. Я чувствую ложь на вкус. Три года тренировок с подпольным менталистом превратили меня в живой детектор лжи.

Заселение в общежитие — отдельный круг ада.

Мою комнату выделили в восточном крыле для «социальных студентов». Обои ободраны, батарея чуть тёплая, в углу плесень. Двухъярусная кровать, продавленный матрас, запах сырости и чужого отчаяния.

Соседка уже там. Хлоя Бернс — полная, с прыщавым лицом, в очках с треснувшей дужкой, замотанной синей изолентой. Она жмётся к стене.

— Ты... ты Ирис?

— Да.

— Я Хлоя. Тоже по квоте. Из приюта. Ты не бей меня, пожалуйста...

— Я не бью. Я просто хочу спать и не лезть никому в поле зрения.

Хлоя выдыхает.

Я забираю нижнюю койку. На дне чемодана — дневник Стеллы. Маленькая тетрадь в кожаном переплёте, которую я нашла в её комнате после смерти. Прячу под матрас.

На последней странице — почерк Стеллы, дрожащий, будто она писала в темноте: *«Они собираются в саду по средам. Если ты это читаешь, значит, меня убили. Найди их. Найди А.»*.

Кто этот А? Я не знаю. Пока не знаю.

Вечером в университете объявляют «Закрытую» вечеринку в честь начала учебного года. Вход только для избранных или по приглашению. Отбросов из социального крыла не приглашают. Это негласное правило, которое никто не озвучивает, но все знают. Но моя соседка приглашена. Зачем? Смеха ради? Ради того, чтоб устроить шоу и выставить её на посмешище? Пока я не понимаю.

Хлоя надевает единственное приличное платье — бледно-голубое, с чужого плеча. Она просит: «Ты не скажешь никому, что мы соседки? Они меня не пустят». Я киваю. Она уходит.

Я остаюсь одна. Сажусь на подоконнике, смотрю на огни императорского сада, где сейчас собираются избранные. Слышу музыку, смех, звон бокалов. Там, среди детей генералов и советников, возможно, убийца Стеллы.

Натягиваю тёмную толстовку, вешаю на шею кристалл-мемор, прячу в карман записывающий амулет. Выхожу через чёрный ход.

Университет «Аскан» ночью — это лабиринт теней и магии. Старые корпуса, заброшенные теплицы, фонтан с чёрной водой, башня с призраком. Сад — огромная территория за главным зданием.

Я пробираюсь вдоль живой изгороди, держусь в тени. Музыка становится громче.

И тут я слышу крик.

Не радостный. Не пьяный.

Испуганный. Мужской, срывающийся на визг.

— Отпустите! Клянусь магией, я ничего не делал!

Я замираю. Осторожно раздвигаю ветки сирени.

В глубине сада, у старого фонтана, собралась группа. Человек пятнадцать. Стоят полукругом и смотрят вниз, на того, кто лежит на земле.

На коленях — парень. Полный, неуклюжий, в разорванной форме. Лицо залито кровью. Саймон Бирн. Социальная квота, как я. Я видела его днём — он ел в одиночестве в углу столовой, ни с кем не разговаривал.

Над ним стоят два рыжих брата. Одинаковые лица, одинаковые наглые усмешки. Райан и Руперт Гейл. Наглые и дерзкие мажоры. Такие же богатые, но не настолько, чтобы самим вершить суд.

В нескольких шагах, прислонившись к колонне, стоит Джаред Стоун. Сын главы региональной земли. Его отец владеет третьей империи. Джаред — главный хищник в этом змеином гнезде. Высокий голубоглазый блондин. Он улыбается своей дерзкой улыбкой и попивает шампанское, как будто смотрит спектакль и он явно чувствует себя хозяином этого мира ну или как минимум хозяином этой ситуации.

— Говорят, ты ходил к декану жаловаться на меня, — лениво бросает Джаред.

— Нет! Я просто спросил про задание... — Саймон всхлипывает.

— Врёшь.

Райан бьёт Саймона ногой в живот. Тот падает, хватая воздух. Руперт поднимает его за волосы, ставит на колени.

— Засмотрелся на мою девушку? — говорит Руперт.

— Она сама ко мне подошла... — лепечет Саймон.

— Врёшь, червь.

Руперт размахивается для удара, но Райан перехватывает его руку.

— Погоди. — Райан наклоняется, сжимает лицо Саймона пальцами, вдавливая кожу в зубы. — Ты вообще понимаешь, с кем связался, нищеврод? Ты хочешь такой же участи, как у Стеллы?

У меня перехватывает дыхание. Стелла. Они произнесли её имя. Вслух. При толпе. Голос Райана — спокойный, почти будничны́й — звучит так, будто смерть Стеллы — это просто рядовой случай запугивания.

Руперт бьёт Саймона головой о край фонтана. Раз. Другой. Кровь течёт в воду, расходится алыми нитями.

Лейла подходит ближе, снимает туфлю и бьёт каблуком по пальцам Саймона. Хруст. Крик — такой, что у меня закладывает уши.

— Хватит, — говорит Тиффани, не отрываясь от зеркальца. — Испачкаешься.

— Весело же, — смеётся Лейла, надевая туфлю.

— Он никому не нужен, — добавляет Тиффани. — Даже мать не подала заявление в прошлый раз. Никто не подал.

Рыжие братья подхватывают Саймона под мышки. Он уже почти без сознания.

Я подношу кристалл-мемор к глазам, активирую тихим словом. Кристалл теплеет — он запечатлевает сцену: кровь на белом мраморе, рыжие братья, Саймон на земле. Потом включаю записывающий амулет — вибрация, пошла запись.

Я делаю шаг вперёд. Из кустов. Прямо к ним.

Но рука, невидимая в темноте, хватается меня за локоть. Дёргает назад. Я падаю в сирень, кто-то зажимает мне рот.

— Тихо, — шепчет голос. Низкий, спокойный. — Не лезь. Они убьют тебя.

Я вырываюсь, поворачиваю голову.

Он сидит на корточках рядом, скрытый тенью старой ивы. Я вижу его лицо — белая рубашка с закатанными рукавами, тёмные волосы, глаза цвета тёмного янтаря. Идеальные черты, как у статуи. Он не похож на тех, кто стоит у фонтана. В нём нет жестокости. Только напряжение, как у зверя перед прыжком.

— Отпусти! — шиплю я.

— Если ты выйдешь, умрёшь. И его не спасешь. Сиди.

Он отпускает меня, встаёт. Отряхивает колени. Поправляет манжеты. Делает глубокий вдох.

И выходит из кустов.

Я вижу, как он идёт к толпе. Не торопясь. Плечи расправлены, голова поднята. Он не кричит, не зовёт. Он просто появляется, и этого достаточно.

Все замолкают.

Даже Лейла опускает лицо. Даже Тиффани убирает зеркальце. Даже рыжие братья замирают с Саймоном на руках. Джаред поднимает бровь, но не улыбается.

— Кэмерон, — говорит Джаред. — Не порти вечер.

— Я не порчу, — голос у него низкий, ровный. Без угрозы, но в нём слышится железо. — Я заканчиваю.

Он подходит к фонтану. Останавливается в двух шагах от Джареда. Они почти одного роста, но Кэмерон кажется крупнее — за счёт плеч, разворота корпуса, той уверенности, которую не купишь за деньги.

— Райан, Руперт, — говорит он, даже не глядя на близнецов. — Отпустите парня. Живо.

Близнецы переглядываются. Сжимают кулаки. Но не спорят. Они его боятся. Все его боятся. Или уважают. Или и то, и другое.

Саймон сползает на землю.

Кэмерон переводит взгляд на Джареда. Говорит тихо, но я слышу каждое слово — амулет записывает.

— Зачем тебе это, Райан? Твой отец и так греет для тебя местечко. Твоя мать купит любую должность какую пожелаешь. Ты уже выиграл по рождению. Зачем калечить тех, кто и так ниже тебя?

— Ты портишь вечеринку, Рид.

— А ты портишь репутацию университета. Представь, что завтра эта история попадёт в газеты. «Сын Блэквуда избивает социального студента до полусмерти». Твоему отцу не понравится. Особенно перед выборами в Совет. Ты всех нас подставишь и заporешь наше будущее, если это выйдет за пределы этой Академии. Особенно после недавней шумихи. Ты за это сможешь ответить?

Райан бледнеет. Он знает, что Кэмерон может это устроить. У него есть связи в прессе, есть люди, которые напечатают что угодно.

— Ладно, — цедит Джаред. — Забирай своего червя. Но это не последний раз.

— Знаю, — Кэмерон улыбается. Ледяной, спокойной улыбкой, которая не касается глаз. — Поэтому я буду следить.

Он поворачивается к Саймону, протягивает руку, помогает встать. Саймон шатается, но держится.

— Иди в медицинский кабинет. Скажи, что упал с лестницы.

Саймон кивает и, прихрамывая, ковыляет прочь. Толпа расходится, музыка начинается снова.

Кэмерон остаётся у фонтана один. Смотрит на кровь на мраморе. Потом разворачивается и идёт прямо в кусты — туда, где я сижу.

Я замираю. Он находит меня мгновенно.

— Выходи, — говорит он. Уже не приказ. Приглашение.

Я вылезаю из сирени, отряхивая листья. Он смотрит на меня сверху вниз. Взгляд изучающий, но не злой. Он видит мои дешёвые кроссовки, потёртую толстовку, кристалл-мемор на шее. И всё равно улыбается — уголками губ, мягко.

— Ты новенькая?

— Ирис Фостер, — говорю я. — Второй курс. Квота.

— Ирис, — он кивает, пробует имя на вкус. — Красивое.

В его голосе нет снисхождения. Он говорит со мной как с равной. Это странно. Я не привыкла к такому.

— Спасибо, — осторожно отвечаю я. — А ты... ты Кэмерон Рид, да? Президент студенческого совета?

— Просто Кэмерон, — он протягивает руку. — Не бойся меня. Я не кусаюсь.

Я пожимаю его ладонь. Тёплую, сухую, сильную. На тыльной стороне — татуировка: маленький компас.

— Ты смелая, Ирис, — говорит он. — Или глупая. Хотеть выбежать к ним, когда они избивают человека. Это могло плохо кончиться.

— Но они его почти убили.

— Почти — не значит убили. Я бы не дал.

— Откуда мне знать?

Он усмехается. Не холодно, а почти по-дружески.

— Потому что я здесь. Потому что я всегда здесь, когда это случается. Это моя работа — следить, чтобы они не зашли слишком далеко.

— И как часто это случается?

Он не отвечает. Только вздыхает.

— Чаше, чем хотелось бы. — Он смотрит в сторону фонтана, где уже убирают пятна. — Джаред и его компания думают, что им всё позволено. Так вышло, что у меня есть чуть больше власти и чуть меньше желания смотреть на избиения. Вот и весь героизм.

Я смотрю на него. Ищу ложь. На вкус — слабая горечь, как от горького шоколада. Он не лжёт, но не договаривает. Что-то скрывает.

— Тв спас его, — говорю я. — Это не мало.

Он молчит и смотрит прямо в глаза.

— А что насчёт той девушки? — спрашиваю я. Как можно безразличнее. — Стеллы? Рыжий сказал: «как Стелла». Что с ней случилось?

Лицо Кэмерона меняется мгновенно.

Глаза становятся холоднее. Улыбка пропадает. Челюсть сжимается. Он выглядит так, будто я ударила его по лицу.

— Откуда ты знаешь это имя? — голос уже не мягкий. В нём металл.

— Я слышала. Райан сказал: «хочешь такой же участи, как у Стеллы». Я просто хочу понять. Что здесь происходит? Кого ещё могут убить?

— Её не убили, — говорит он резко. — Стелла Митчелл покончила с собой. Перерезала горло в подвале. Оставила записку.

— И ты веришь в это?

— Я верю в факты. Факты таковы: её дело закрыто. Об этом не говорят. Это боль для всех, для всего университета. Поэтому не нужно в это лезть, Ирис. Поняла?

— Поняла, — говорю я.

Кэмерон смотрит на меня ещё секунду. Потом его лицо снова становится доброжелательным. Он словно надевает маску.

— Иди в общежитие, Ирис. Завтра первый учебный день. Восемь утра, магия воздействия, профессор Кракен. Он старый, опасный. Не смотри ему в глаза. И старайся не выделяться.

— Откуда ты знаешь моё расписание?

Он улыбается. Почти тепло.

— Я президент студенческого совета. Это моя работа — знать всё о студентах. Особенно о тех, кто учится в моем классе.

Он уходит. Широкими шагами, не оборачиваясь.

Я остаюсь одна.

Амулет в кармане всё записал. Каждое слово.

Я возвращаюсь в комнату. Хлоя ещё не вернулась. Сажусь на кровать, выключаю амулет, перематываю запись. Голос Кэмерона: «Её дело закрыто. Не нужно в это лезть». Горечь. Ложь.

Достаю кристалл-мемор — застывшая сцена: фонтан, кровь, рыжие братья. Улика.

Прячу всё под матрас.

Сегодня первый день. Я слышала имя Стеллы из уст рыжих братьев. Я записала слова Кэмерона Рида. Я запечатлела улику на кристалл.

Я найду тех, кто сделал это с тобой, обещаю, сестрёнка.

Визуал к главе 1.

Глава 2. Первый учебный день

Раздался удар колокола. Первый день занятий в Университете «Аскан» открывается торжественной линейкой в главном дворе.

Я одеваюсь быстро, почти на ощупь — пальцы ещё помнят вчерашнюю дрожь после вечеринки в саду, после голоса Кэмерона, после записи на амулете. Форма факультета теневой дипломатии сегодня сидит как броня: тёмно-синий блейзер с серебряными змеями на гербе, белая рубашка, серая юбка до колена. Туфли те же, потёртые, но я начистила их вчера перед сном — единственная дань уважения к месту, которое должно стать моим полем боя.

Прячу амулет и кристалл-мемор в потайной карман, который сама пришила к подкладке. Дневник Стеллы остаётся под матрасом. На сегодняшний день это самое безопасное место.

Хлоя возится с мантией целительского факультета — белой, с зелёной каймой, — никак не может застегнуть пряжку на плече.

— Ты идёшь? — спрашиваю я, хотя знаю ответ.

— Да, боюсь опоздать. Говорят, ректор сегодня объявит что-то важное. — Она замирает перед зеркалом. — Ирис, как ты думаешь, я выгляжу как настоящая целительница?

— Ты выглядишь так, будто готова спасти жизни. Этого достаточно.

Хлоя улыбается, но тревога не уходит из её глаз.

Выходим вместе.

Главный двор «Аскана» вымощен чёрным камнем — базальтом, привезённым из-за Штормового моря. Говорят, он впитывает магию, не давая студентам использовать скрытые артефакты во время линеек. В центре — статуя основателя университета, первого теневого советника двенадцати империй, человека без имени, которого в документах называли просто «Архитектор». Его лицо скрыто капюшоном, в руке — свиток и кинжал. Символ того, что знание и смерть всегда рядом.

Флаги всех двенадцати империй свисают с балконов главного корпуса. Полторы тысячи студентов замерли в идеальном порядке — факультеты выстроены по ранжиру, отработанным десятилетиями. Впереди — теневые дипломаты, наше серебряное шитьё сверкает даже в пасмурный день. За нами — целители, белые мантии с зелёной каймой. Дальше — боевые маги, артефакторы, казначеи, историки магии, дипломаты общего профиля и другие.

Я в первом ряду, хотя и стою с краю. Мои сокурсники — Лейла, Тиффани, Джаред, рыжие братья, Кэмерон — все они левее. У каждого из них в роду как минимум один императорский советник. У меня — родовое проклятие быть сиротой. Но форма даёт мне право стоять здесь, и я не отступлю.

На возвышение поднимается *ректор Соландер*.

Лоркан Соландер — мужчина лет сорока пяти, не старше. Высокий, широкоплечий, с резкими чертами лица, которые могли бы украсить монету, если бы монету чеканил дьявол. Тёмные волосы с серебряной прядью у виска — единственная уступка возрасту. Глаза цвета стали — холодные, цепкие, с хитринкой. Прямой нос, волевой подбородок, но главное — улыбка. Широкая, ослепительная, с идеальными белыми зубами, которая растягивает его лицо от уха до уха. В ней нет ни капли тепла. Только самолюбование, только показная щедрость, только расчёт. Такая улыбка бывает у картёжников, которые только что сорвали банк, и у ловеласов, которые считают победы на утро после.

Он носит не мантию — строгий чёрный сюртук с серебряным гербом университета на воротнике. Никаких звёзд, никакой вычурности. Он выглядит как человек, который не нужда-

ется в атрибутах власти — власть и так течёт в его жилах. И при этом он выглядит как тот, кто каждую ночь меняет компанию, как перчатки.

Слухи о нём ходят по двенадцати империям. Говорят, он был теневым советником трёх императоров, прежде чем согласился возглавить «Аскан». Говорят, он лично сверг правителя из малых королевств, когда ему было двадцать пять. Говорят, у него нет семьи — зато есть любовницы в каждом крупном городе и внебрачные дети, разбросанные по всем империям. И кто-то из этих детей, возможно, стоит сейчас в рядах студентов под тайным именем, не зная своего отца. Или зная.

Я не знаю, что из этого правда. Но когда его взгляд скользит по рядам студентов, мне становится не по себе. Он смотрит так, будто видит каждого насквозь — всю ложь, всю правду, все тайны. И при этом улыбается своей идиотской стальной улыбкой, которая не сулит ничего хорошего.

По правую руку от него — *мадам Бриль*, правая рука ректора, второй человек в академии. Женщина лет пятидесяти, грузная, с пышными формами, которые обтянуты тёмно-бордовой мантией с золотыми кистями. На голове — дурацкая кичка, расшитая бисером, похожая на кокошник провинциальной купчихи. Лицо заплывшее, маленькие глазки-бусинки, подбородок второй. Когда она дышит, её грудь колыхнется, и кажется, что сейчас лопнет пуговица на воротнике. Она смотрит на студентов с брезгливостью, как на тараканов. Говорят, она ненавидит социальных студентов больше всего на свете.

— Студенты, — голос ректора низкий, бархатный, с лёгкой хрипотцой, которая заставляет слушать. — Вы прошли жесточайший отбор. Десять тысяч абитуриентов на триста мест. Вы — лучшие. Но «лучшие» в «Аскане» означают только одно: вы — ничто по сравнению с теми, кто закончил этот университет до вас.

Пауза. Ветер колышет флаги.

— Здесь не учат морали. Здесь учат побеждать. Теневые советники не имеют права на ошибку. Университет не даст вам второй попытки. Императоры не прощают провалов. Тайная канцелярия не знает слова «помилование».

Он делает короткий шаг вперёд. Тень удлиняется, накрывая полторы тысячи человек. Улыбка становится шире.

— Ваше прошлое не имеет значения. Ваши родители, ваши титулы, ваши долги — всё это остаётся за воротами. Здесь вы начинаете с чистого листа. Здесь вы либо станете теми, кто правит миром, либо превратитесь в тех, кто на него работает. Выбор — за вами. А у меня есть ещё одна новость.

Он выдерживает театральную паузу.

— В этом году университет открывает программу обмена с академиями восточных империй. Лучшие из лучших отправятся на год за Штормовое море, чтобы перенимать опыт тамошних теневых советников. Мест — пять. Борьбу будут не только знания, но и умение выживать. Потому что восточные академии не знают пощады.

Мадам Бриль поднимает руку. Её голос — противный, скрипучий, будто кошки скребутся по стеклу:

— Ректор сказал главное. Запомните: те, кто не тянет, покидают «Аскан» без права восстановления. А те, кто тянет, получают всё. — Она обводит взглядом толпу и останавливается на мне. — Особенно это касается квотников. Не позорьте университет.

Ректор улыбается своей стальной улыбкой и уходит. Мадам Бриль, пытаясь, семенит за ним. Студенты расходятся.

Я слышу шепот сзади:

— Соландер сегодня в ударе. Слышал, он вчера избавился от очередной любовницы?

— У него их сотни. Зачем ему одна?

— Какой мужчина...

— Не мечтай. У него была любовница, студентка. Говорят, она исчезла.

— Исчезла или умерла?

— Разница?

Я запоминаю этот разговор и иду к мемориальной доске Стеллы.

Третий этаж главного корпуса. Коридор с высокими стрельчатыми окнами, через которые льётся холодный утренний свет. Доска висит между портретами двух бывших ректоров — как напоминание о том, что даже лучшие могут уйти раньше времени.

Я сворачиваю за угол — и замираю.

Вокруг доски — море цветов.

Хризантемы, розы, лилии, полевые астры, гладиолусы, пионы, гвоздики, даже несколько экзотических орхидей, которые явно привезли из оранжереи факультета ботанической магии. Целые охапки, разложенные аккуратными букетами. Засушенные и живые — в вазах, в бумаге, просто на камне. Свечи — десятки свечей, оплывших и новых, белых и красных, высоких и низких, некоторые ещё горят, озаряя лицо Стеллы на маленькой гравировке. Игрушки — плюшевые кролики, медвежата, фарфоровые ангелы, ручная кукла в платье целителя, маленький деревянный меч. И записки — сотни записок, сложенных в треугольники, конверты, просто клочки бумаги, придавленные камнями.

Я не ожидала такого.

Мажоры, подружки-богачки не стали бы приносить цветы такой, как она. Это не они. Значит, это другие — те, кого Стелла задела за живое. Студенты с других факультетов. Первокурсники, которых она опекала. Старшекурсники, которым она помогала с учебой. Целители, которым она сдавала кровь для экспериментов. Такие же социальные студенты, которых она защищала от буллинга.

Она успела стать важной для многих. Всего за один курс.

Я беру одну записку наугад. Детский почерк, дрожащие буквы, словно писали в темноте: *«Стелла, ты была единственной, кто со мной заговорил. Я тебя не забуду. Твоя А.»*.

А. Снова эта буква. В дневнике Стеллы, теперь в записке. Но здесь «А.» — это, скорее всего, просто инициалы. Или нет?

Рядом — игрушечный кролик с оторванным ухом, пришитым грубыми стежками цветной ниткой. На лапке привязана записка: *«Ты сказала, что я смогу стать целителем. Я сдал первую сессию. Спасибо. — М.»*.

Дальше — фарфоровый ангел с подбитым крылом. На подставке выцарапано: *«Для той, кто верила в меня»*.

Глаза щиплет. Я сжимаю зубы. Не время.

— Красиво, правда? — голос за спиной.

Кэмерон Рид. В форме президента студенческого совета — серебряная перевязь через плечо, значок с гербом университета. Он выглядит так же идеально, как вчера, но под глазами темные круги.

— Кто это всё приносит? — спрашиваю я, не оборачиваясь.

— Все, кто её знал. И некоторые, кто не знал, но слышал. Она была добрая. Для этого места — слишком добрая.

Он протягивает мне букет полевых цветов — скромный, перевязанный бечёвкой. Никакой вычурности.

— Положи и ты. Просто так.

Я беру букет. Кладу к доске, рядом с плюшевым кроликом. Тихо, чтобы не услышал Кэмерон, говорю:

— Я найду, кто это сделал, Стелла. Клянусь.

— Пора на занятие, — говорит Кэмерон. — Кракен не любит опоздавших.

Аудитория факультета теневой дипломатии — в восточной башне, откуда открывается вид на весь кампус. Тридцать мест, расположенных полукругом. Бархатные пуфики цвета индиго, стены из тёмного морёного дуба, на доске — формула идеального убеждения, написанная золотыми буквами.

Я сажусь в последнем ряду, максимально далеко от кафедры. Лейла и Тиффани — на первых местах, как всегда. Джаред Стоун с рыжими братьями — в центре, закинув ноги на соседние пуфики. Кэмерон садится слева от Джареда — президентское место, которое никто не оспаривает. Пока что я запомнила только эту компанию, с остальными еще не успела познакомиться и достать на них информацию.

Профессор Кракен появляется из неприметной двери в стене, которую я раньше не замечала. Его мантия шелестит по камню, глаза светятся тусклым зелёным, как у кошки в темноте. Он — живая легенда: участник свержения четырёх королей, автор учебника «Теневая риторика», который мы штудировали всё лето. Говорят, он помнит лица всех студентов, которых учил за последние пятьдесят лет.

— Второй курс, — говорит он, не здороваясь. — Вы уже не дети. Вы — кандидаты в теневые советники. Сегодня мы поговорим о «манипуляции через ложный выбор».

Он подходит к доске и рисует мелом две стрелки, расходящиеся из одной точки.

— Представьте: вы советник императора. Ваш противник — глава торговой гильдии. Он требует снизить пошлины на импорт зерна, угрожая, что иначе поднимет цены на хлеб и вызовет бунты в бедных кварталах. У вас есть два варианта — согласиться и потерять доходы казны или отказаться и рискнуть голодными бунтами. Что вы выберете?

Молчание. Никто не хочет ошибаться на первом занятии.

— Ни то, ни другое, — продолжает Кракен, обводя взглядом аудиторию. — Потому что истинный мастер не выбирает из предложенного. Он создаёт третий вариант, о котором враг не подумал. Например: вы тайно закупаете зерно у соседней империи, сбиваете цены и объявляете, что гильдия пыталась спровоцировать голод. Торговец становится врагом народа, а вы — героем. Это ложный выбор. Противник думал, что у него есть два пути к победе, но вы создали третий, который делает оба его пути проигрышными.

Он поворачивается к доске и рисует третью стрелку, которая перечёркивает первые две.

— Домашнее задание: придумать ложный выбор для ситуации «шпион внедрился в императорский дворец». Не просто вычислить и казнить шпиона, а заставить его выдать всех сообщников. Сдать в письменном виде через неделю.

Я записываю задание в блокнот. Краем глаза замечаю, что Тиффани пишет что-то на листке и передаёт Лейле. Та читает, усмехается и кивает в мою сторону.

Начинается.

После лекции ко мне подходит Саймон. Сокурсник Хлои, судя по мантии. Лицо всё ещё опухшее после вчерашнего, под глазом синяк, губа рассечена. Но он держится прямо, не горбится.

— Можно тебя?

— Говори.

Мы отходим к окну в конце коридора. Отсюда видно сад — тот самый, где вчера избивали Саймона. Сейчас он пуст, только ветер гоняет листья по мраморным дорожкам.

— Ты была у доски Стеллы. Я видел.

— Ты тоже туда приходишь?

— Каждую неделю. — Он мнёт в руках край мантии. — Она была единственной, кто заступился за меня. Когда впервые меня избивали, она отвела меня в лазарет, ждала, пока целитель меня осмотрит. Сказала: «Держись, Саймон. Эти твари не сломают нас».

В его глазах — боль и что-то ещё. Благодарность, смешанная с ненавистью.

— Я знаю, что ты ищешь правду, — продолжает он. — Я хочу помочь.

— Что ты знаешь? — спрашиваю я тихо, чтобы никто не услышал.

— За день до смерти она сказала мне: «Саймон, если со мной что-то случится, найди мой дневник. Он под половицей в комнате, у окна». Я искал, но комната была опечатана полицией. Никого не пускали. А потом её вещи вынесли, и я не успел.

— Я нашла дневник, — говорю я после паузы. — Не спрашивай, где.

Он бледнеет.

— Там есть что-то про убийцу?

— Буква «А». И слова о том, что она узнала правду о чьей-то смерти до своей.

Саймон оглядывается по сторонам. Коридор пуст.

— Она говорила мне, что нашла в архивах что-то странное. Про куратора третьего курса, который умер за год до неё. Тоже нашли в подвале, тоже перерезанное горло, тоже сказали — самоубийство. Стелла сказала, что это очень странно.

— Ты помнишь его имя?

Он качает головой.

— Она не назвала. Сказала, что сначала проверит, а потом расскажет. И не успела.

Я сжимаю кулаки. Ещё один. Второй «самоубийца» до Стеллы. Значит, это серия.

— Будь осторожна. — Саймон перехватывает мою руку. — Если они узнают, что у тебя дневник...

— Не узнают.

— Джаред вчера спрашивал про тебя на вечеринке, я слышал. Кто такая, откуда взялась, почему перевелась на второй курс. Лейла сказала, что проверит документы.

— Пусть проверяют. У меня всё чисто.

Он не выглядит убеждённым, но кивает и уходит.

Обедаю в столовой. Социальным студентам дают бесплатный суп и хлеб — серую похлёбку из корнеплодов и ломоть чёрствого батона. Я сажусь в дальнем углу, спиной к стене, чтобы видеть весь зал.

Подсаживается Хлоя. У неё поднос с полноценным обедом — куриный бульон, запечённая рыба, овощи, сладкий пирог. Целителям положено усиленное питание для поддержания магического резерва.

— Как лекция? — она накидывается на рыбу с голодом, который бывает только у тех, кто всю жизнь экономил каждую крону.

— Кракен, ложный выбор. Домашнее задание придумать, как вычислить шпиона во дворце. А у тебя?

— Целительский факультет — это уши университета. — Она понижает голос. — Мы слышим всё, что говорят студенты под лечебными заклинаниями. Знаешь, что рассказала старшая целительница?

— Говори.

— В прошлом году, когда Стеллу привезли в лазарет, её уже нельзя было спасти. Слишком глубокая рана, слишком много крови. Но профессор Морган, которая тогда была дежурным преподавателем, лично запретила целителям разговаривать с полицией. Сказала: «Это внутреннее дело факультета теневой дипломатии, не вмешивайтесь».

Я запоминаю.

— А ректор Соландер приходил в ту ночь? — спрашиваю я как можно безразличнее.

— Приходил. — Хлоя оглядывается и переходит почти на шепот. — Старшая целительница говорила, что он требовал, чтобы Стелле не оказывали помощь. Сказал: «Пусть умрёт, меньше шума будет». Но это не точно, слышала от третьих лиц.

У меня холодеют руки. Ректор. Тот самый видный мужчина с серебряной прядью, который выступал сегодня на линейке. Тот, кто должен защищать студентов. Возможно, он отдал приказ убить Стеллу. Или, по крайней мере, позволил ей умереть.

— Спасибо, Хлоя.

— Не за что. Только будь осторожна, Ирис. — Она сжимает вилку. — Морган опасна. Говорят, она работала в тайной канцелярии до того, как уйти в преподаватели. И у неё есть доступ к досье всех студентов.

Я доедаю суп молча.

После обеда — новый предмет. «Прикладная магия убеждения». Мы идём в другую аудиторию, на первом этаже главного корпуса, с окнами в сад. Стеклянные стены, внутри — плетёные кресла вместо пуфиков, на стенах — плакаты с цитатами великих советников.

На кафедре стоит профессор Вэллс.

Ему около тридцати — он заметно моложе большинства преподавателей. Рыжеватые волосы, зачёсанные назад, веснушки, быстрая улыбка. У него открытое лицо и взгляд человека, который много видел, несмотря на возраст. Глаза, впрочем, холодные, цепкие, оценивающие.

— Меня зовут Кори Вэллс, — представляется он. — Веду «Прикладную магию убеждения». Здесь вы будете учиться не просто влиять на людей, а заставлять их делать то, что вам нужно, без единого заклинания. Голос, взгляд, пауза — ваше оружие.

Он обводит аудиторию взглядом.

— Первое упражнение. Я буду рассказывать историю. Часть её — правда, часть — ложь. Вы должны понять, где ложь, и объяснить, почему вы так решили.

Класс насторожённо молчит.

— Лейла Вэйн, начнём с вас.

Лейла выпрямляется, поправляет блейзер.

— В прошлом году я случайно сломал руку, — говорит Вэллс. — В лазарете мне сказали, что кость срастётся за две недели. Но я попросил целителя ускорить процесс, и он согласился за десять крон. Через три дня рука была здорова.

— Ложь, — отвечает Лейла без раздумий. — Целители не берут деньги за ускорение регенерации. Это запрещено кодексом, и любой целитель, который это сделает, теряет лицензию.

— Верно. Второй пример.

Он проходит между рядами, заложив руки за спину.

— Десять лет назад я участвовал в турнире молодых магов. Моим противником в финале был нынешний ректор Соландер — тогда он ещё был профессором боевой магии, но уже считался непобедимым. Я выиграл. Чистым внушением, без единого боевого заклинания. Он до сих пор мне этого не простил.

Тишина. Тиффани поднимает руку.

— Мисс Кросс?

— Ложь, — говорит она. — Ректор Соландер никогда никому не проигрывал. Это известно всем.

— Убедительно. Но неправильно, — улыбается Вэллс. — Это правда. Можете спросить у него сами — если посмеете.

Класс шепчется. Я смотрю на Вэллса. Он ведёт опасную игру — публично рассказывать, что победил ректора. Или он очень смелый, или очень глупый, или у него есть за спиной тот, кто обеспечивает защиту.

— Третий пример, — продолжает Вэллс. — Мисс Фостер, ваша очередь.

Я поднимаю голову. Все поворачиваются ко мне.

— Я был знаком со Стеллой Митчелл, — говорит Вэллс. — Мы вместе работали над исследованием магических артефактов. За неделю до её смерти она сказала мне, что боится кого-то из преподавателей. Я посоветовал ей обратиться к ректору. На следующий день она умерла.

Аудитория замирает. Даже Джаред опускает ноги с соседнего пуфика.

— Ложь? — спрашивает Вэллс, глядя прямо мне в глаза.

Я смотрю в его холодные глаза. Веснушки делают его обманчиво дружелюбным, но сейчас он не улыбается.

— Ложь, — говорю я.

— Почему вы так решили?

— Потому что если бы это была правда, вы бы не рассказывали это перед всем классом. Вы либо соучастник, либо идиот, который подставляет себя под удар. Ни один преподаватель, если он не хочет быть выгнанным или убитым, не станет публично заявлять о том, что знал о страхах убитой студентки. Значит, это провокация. Или проверка. Поэтому — ложь.

Вэллс медленно улыбается.

— А если бы я сказал, что это правда?

— Тогда я спросила бы, почему вы молчали год, и потребовала бы вашего отстранения от занятий. Но вы не скажете.

— Почему?

— Потому что тогда вам пришлось бы отвечать на вопросы, которые вы не хотите слышать.

Тишина. Вэллс смотрит на меня долго, потом кивает.

— Неплохо, мисс Фостер. Это была ложь. Я не знал Стеллу. Но теперь вы знаете, что я готов говорить о том, о чём другие молчат. Урок окончен.

Он выходит из класса, не оглядываясь.

Студенты собираются. Лейла смотрит на меня с ненавистью. Тиффани что-то пишет в блокноте — возможно, список того, что обо мне нужно узнать. Джаред ухмыляется и поднимает большой палец, но я не понимаю, в чём смысл его жеста.

Я выхожу в коридор. Ко мне подходит Кэмерон.

— Осторожнее с Вэллсом, — говорит он тихо. — Он появился в этом году, никто не знает, откуда. Его назначил лично ректор. И он слишком много говорит.

— Он сказал, что знал Стеллу. Потом сказал, что не знал.

— Он играет в свою игру. Не доверяй ему.

Кэмерон уходит. Я остаюсь у дверей.

Иду к лестнице, не глядя по сторонам. На повороте сталкиваюсь с Джаредом.

Удар в плечо — я не заметила, как он появился. Мои учебники летят на пол. И у Джареда из рук выпадает планшетка — магический фотоальбом. Падает, раскрывается, оттуда выскальзывают десятки фотографий.

Я наклоняюсь поднять свои книги и вижу их.

Стелла.

Пепельные волосы, океанские глаза. На одной — смеётся с кем-то, лицо той замазано. На другой — в вечернем платье, слишком открытом. На третьей — целуется в тени башни, партнёр обезличен.

Джаред быстро сгребает фотографии, заталкивает обратно. Не смотрит на меня.

— Прости, — бросает небрежно. — Не смотрел.

— Я тоже, — отвечаю я, поднимая учебники.

И в этот момент я вижу последнюю фотографию. Она выпала под ноги.

Стелла. В дорогом кружевном белье — таком, что она никогда не могла себе позволить. Она полусидит на камнях у небольшого водоёма — может быть, университетского пруда или

старого фонтана. Вода за её спиной тёмная, неподвижная. Лицо у неё усталое, глаза полузакрыты.

А над ней — мужчина. Он накрывает её плечи простынёй, будто укутывает после купания. Лицо его смазано, размыто магией — виден только размытый контур. Но одна рука видна чётко — крупная, с золотым перстнем на мизинце.

Одна секунда. Две.

Джаред вырывает фото у меня из-под ног.

— Не твоё дело.

Уходит.

Я стою. Грудь ходит ходуном, но лицо спокойно. Я поднимаю последний учебник, складываю в сумку, поправляю блейзер.

Меня тошнит. Стелла у воды, в белье. Мужчина с перстнем укрывает её простынёй. Она не выглядит испуганной — она выглядит... покорной. Или очень уставшей.

Знаю одно: этот снимок — ключ. И Джаред его хранит.

Я иду в комнату медленно, считая шаги. Сто три шага до лестницы. Сорок семь ступеней вниз. Мимо охранника, мимо столовой, мимо доски Стеллы с морем цветов.

Внутри всё кричит. Что это было? Откуда у него её фото? Может он и есть убийца? Во что она ввязалась? Надо было меньше работать и больше разговаривать с ней...

Я захожу в комнату. Хлоя уже спит, разметавшись на кровати — одна рука свешивается вниз, учебник по анатомии лежит на груди. Я убираю книгу, накрываю её одеялом.

Сажусь на свою кровать. Дневник Стеллы под подушкой.

Визуал к главе 2.

Лейла Вэйн

Джаред Стоун

Кэмерон Рид

Ирис Фостер

Глава 3. Правила иерархии

Собрание грянуло неожиданно, как гром с ясного неба. Я как раз выходила из восточного крыла, где безуспешно пыталась уговорить хранительницу архивов пустить меня, и в этот момент, магические динамики ожили и прошипели:

— Всем студентам срочно во дворец.

Дворцом здесь называли главный двор — вымощенный чёрным базальтом, с вечно мокрыми стыками между плитами, где скапливалась дождевая вода. Статуя Архитектора, закутанного в капюшон, отбрасывала длинную тень, будто он тоже собрался слушать.

Студенты выстраивались факультетами за считанные минуты — система работала как часы. Квота сзади, элита впереди, между ними — пустота шириной в несколько шагов. Я встала в последнем ряду своего факультета, рядом с парнем, от которого пахло дешёвым мылом и страхом.

Ректор Соландер поднялся на трибуну без обычной широкой улыбки. Рядом замерла мадам Бриль, сложив руки на животе, её маленькие глазки-бусинки пересчитывали ряды. На мизинце ректора блеснул золотой перстень — массивный, с волчьей головой. Тот самый. Или такой же. Лицо мужчины на фото у Джареда было смазано, но перстень — его трудно спутать.

— В конце прошлого учебного года, — начал ректор без предисловий, — мы простились с одной из наших студенток. Её имя вам известно. Я не буду его повторять.

Голос разносился без магии — одна только выученная десятилетиями харизма. Но воздух стал плотным. Полторы тысячи человек замерли.

— Университет сделал выводы. Магическая полиция сделала выводы. Трагедия осталась в прошлом. Не нужно её тревожить. Не нужно распускать слухи. Не нужно приносить цветы к доске, которую кто-то самовольно соорудил в главном корпусе.

Я похолодела. Мемориал Стеллы — море хризантем, плюшевые кролики, записки — он говорил о нём.

— Мемориал будет убран сегодня к вечеру. Прошу отнестись с пониманием. Мы скорбим, но мы не позволяем скорби мешать учёбе.

Он улыбнулся — холодной, отстранённой улыбкой, которая не касалась глаз. И ушёл. Бриль потопала за ним, покачиваясь, как перекормленная утка.

Толпа загудела. Негромко, вежливо — в присутствии ректора никто не смел шуметь. Но шёпот полз по рядам, как змеиный след.

— ...уберут наконец, а то стояли эти веники, как на кладбище...

— ...говорят, родители жаловались, что доска портит вид...

— ...моя мать звонила в приёмную, спрашивала, почему до сих пор не убрали...

Я стояла, не двигаясь. Смотрела на перстень на руке ректора, который был очень похож. Сравнивала мысленно с тем, что видела на фото. Та же форма волчьей головы. Та же матовая желтизна старого золота. Может быть, их несколько — знак какого-то круга. Но совпадение било по глазам.

Кто-то тронул меня за локоть. Кэмерон.

Он выглядел спокойным, даже скучающим. Серебряная перевязь студсовета поблёскивала на плече. Ни тени вчерашней напряжённости.

— У тебя лицо, будто ты увидела привидение, — заметил он.

— Почему убирают мемориал? — спросила я. — Что в этом такого — почтить память?

Он пожал плечами — лениво, расслабленно.

— Просьба родителей. Здесь учатся лучшие из лучших. Они очень дорожат репутацией. Не все верят версии магической полиции. Кто-то роет, сует носы. Если это будет распростра-

няться — репутация вуза испачкана. О хорошей должности после выпуска можно забыть. Единственное, что дороже денег в нашем мире — репутация.

Он помолчал, потом добавил, криво усмехнувшись:

— Очень забавно, что некоторые студенты, особенно квотники, возомнили себя выше, чем должностные лица или даже заведующие тайной канцелярией. Думают, что могут судить то, чего не понимают.

— Ты намекаешь на кого-то конкретного?

— Я про всех, кому не всё равно. — Он взглянул на часы. — У нас первая пара. Не опаздывай.

Он ушёл, и я осталась стоять у остывающей трибуны. Ни угрозы, ни намёка — обычный разговор. Но компас на его руке дрогнул, когда он говорил про квотников. Или показалось?

Из толпы вынырнули две девушки в мантиях боевого факультета — такие же квотницы, судя по потёртым нашивкам. Они не заметили меня, заговорили громко, перебивая друг друга.

— ...слышала, что Лейла вчера устроила? Закатила истерику Кэмерону прямо в коридоре. Кричала, что она не потерпит, если он будет смотреть на других.

— А он?

— А он сказал: «Ты не моя мать», и ушёл. Говорят, она разбила вазу в гостиной. Элитные разборки.

— А та, прошлогодняя... Стелла... говорят, он к ней ходил каждую неделю. В библиотеку, в сад. Лейла тогда чуть с ума не сошла от ревности. А потом Стелла... ну, сама знаешь.

— Думаешь, она её... из-за этого?

— Кто знает. Только после смерти Стеллы Кэмерон вернулся к Лейле. Как ни в чём не бывало.

Они скрылись за углом, а я стояла, впитывая каждое слово. Кэмерон и Стелла — не просто «ходили в библиотеку». Он ходил к ней каждую неделю. Лейла ревновала. А после смерти сестры он вернулся к Лейле, будто ничего не случилось.

Вкус лжи — сейчас не чужой, а собственной, горькой от осознания — заполнил рот. Слишком много совпадений. Слишком много правильных ответов.

Первой парой значилось *«Эфирное смещение»* — дисциплина, которую здесь называли «кухней для бедных», потому что на ней учили извлекать магию из подручных материалов, а не из дорогих артефактов. Кабинет находился в полуподвале западного крыла, где с потолка капало, а по стенам висели пучки сушёных трав, пахнущие одновременно аптекой и конюшней.

Преподавательница — профессор Вейн (однофамилица Лейлы, но без денег и связей, поэтому и работает здесь) — встретила нас кислой улыбкой. Женщина лет пятидесяти, с острым носом и вечно прищуренными глазами, она носила мантию с длинными рукавами, в которых, как подозревали студенты, прятала запасные ингредиенты — иногда просроченные.

— Сегодня варите базовый осветлитель эфира, — сказала она, достав из шкафа три десятка одинаковых котелков. — Рецепт на доске. Кто перепутает последовательность, пойдёт в лазарет объяснять, почему у него вместо эликсира получился... — она запнулась, подбирая слово, — экскремент единорога. В прямом смысле. Пахнуть будет соответствующе.

Класс нервно захихикал.

Я села за свободный стол в среднем ряду. Слева от меня оказался Эсташ Фрид — высокий, темноволосый парень с резкими чертами лица и тяжёлым взглядом. Мантия факультета теневой дипломатии сидела на нём, как на манекене. Я видела его на линейке — он стоял в первом ряду, рядом с Кэмероном, но не разговаривал ни с кем. Поговаривали, что его семья из восточных империй и что он встречается с Тиффани Кросс — по крайней мере, их часто видели вместе в саду.

Эсташ даже не посмотрел в мою сторону. Он сосредоточенно измельчал корешки, движения точные, быстрые — видно, что не новичок.

Справа от меня пыхтел Гордон — здоровяк с боевого факультета, который на вид мог голыми руками согнуть арматуру, но над котлом трясся, как заяц. Он с огромным усердием сыпал ингредиенты, не глядя на этикетки.

— Кладешь не туда, — шепнула я, заметив, что он льёт основу в пустой котёл, а кристаллы сыплет отдельно, в миску.

— Отвали, квотница, — буркнул он и ссыпал всё разом.

Я отошла на безопасное расстояние.

Сначала ничего не происходило. Гордон размешивал, довольно ухмылялся. Потом котёл засветился зелёным, и из него вырвалась струя густого, вязкого дыма, которая ударила Гордону прямо в лицо.

Он чихнул.

Чих получился странным — не громким, а тоненьким, писклявым, как у новорождённого котёнка.

— Будь здоров, — лениво бросил Эсташ, не поднимая головы.

Гордон чихнул снова. Опять писк. Он открыл рот, чтобы ответить, но вместо привычного грубого баса из него вылетело нежное, мелодичное «агу-агу».

Класс замер. Потом кто-то хихикнул.

— Слышь, Гордон, — Эсташ отложил нож и повернулся к здоровяку. В его голосе не было злости — только ледяная насмешка. — Ты это, не пой. А то крысы сбегутся от умиления.

— Заткнись, Фрид, — вероятно это попытался рявкнуть Гордон, но из его горла выпорхнуло только тоненькое «ути-пуси».

Тиффани, сидевшая через проход, фыркнула. Лейла закрыла рот ладошкой, но плечи тряслись.

— Ой, не могу, — выдавила Тиффани. — Гордон, скажи что-нибудь грубое. Ну, «пошла вон», например.

Гордон попытался. Получилось: «иди-иди ки-ки».

Ржали уже все, включая профессора Вейн, которая обычно морщилась при любом шуме. Она издала звук, похожий на квохтанье, и закрыла лицо рукой.

— Мистер Гордон, — выдавила она, — вы перепутали стабилизатор с корешками говорливой жабы. Это пройдёт через пару часов. А пока — в лазарет. И постарайтесь не разговаривать. И не петь.

Гордон, побагровевший от стыда и ярости, вылетел из класса, издавая на ходу звуки, похожие на колыбельную, которую напевал сумасшедший флейтист. На пороге он споткнулся и пропел «баю-бай» — уже в коридоре.

Класс утирал слёзы. Даже Эсташ, обычно невозмутимый, криво усмехнулся краем губ.

— Теперь он будет три дня ходить с голосом ошипанного воробья, — заметила Тиффани, поправляя причёску. — Эсташ, ты жесток.

— Я справедлив, — ответил он, возвращаясь к своему котлу. — И быстр. В отличие от некоторых.

Он мельком взглянул на Тиффани — и в этом взгляде было что-то большее, чем дружеская подколка. Она отвела глаза, но щёки её чуть порозовели.

Я запомнила этот момент. Потом пригодится.

Профессор Вейн взяла котёл Гордона, понюхала, поморщилась.

— Надеюсь, это послужит вам уроком. Эфирное смешение не прощает халатности. И да, если на этикетке написано «активатор», это не значит «всё подряд».

Я доварила свой осветлитель без приключений. Жидкость получилась прозрачной, с лёгким голубоватым свечением. Вейн одобрительно кивнула.

Эсташ, сидевший в первом ряду, даже не обернулся. Джаред смотрел в свой котёл с отрешённым видом. Кэмерон закончил раньше всех — его зелье переливалось серебром, как ртуть.

— Лучший в группе, — сухо отметила Вейн. — Как обычно.

Он кивнул, даже не улыбнувшись.

Я собрала свои вещи и вышла в коридор. Голос Гордона уже не был слышен — только эхо хохота долетало из класса.

В столовой к обеду было шумно. Я взяла поднос с серым супом и чёрствым хлебом — стандартный паёк для квотников — и села в углу, откуда был виден весь зал.

Первым подсел Саймон. Синяк под глазом стал фиолетовым, на скуле — свежий порез.

— Ты выглядишь... неважно, — сказала я.

— Квотники бьют квотников, — ответил он, жуя хлеб. — Есть система: кто сдаст другого — того освобождают от дани и переводят в нормальную столовую. Стелла отказалась. Её за это и начали травить.

— Кто именно?

— Не знаю имён. Но те, кто охотился на неё, теперь охотятся на тех, кто её помнит. Так что если я вдруг исчезну — ищи в подвале.

Он ушёл, оставив мне половину своего хлеба.

Вскоре прибежала Хлоя. Бледная, с красными глазами.

— Ирис, в лазарете странные приказы, — прошептала она, оглядываясь. — Мадам Бриль лично распорядилась: всех квотников с травмами записывать как «несчастные случаи». Никаких заявлений и разбирательств. А если кто спрашивает про Стеллу — молчать.

— Ты слышала это сама?

— Своими ушами.

Я сжала ложку так, что она погнулась.

— Ты расскажешь это магической полиции?

— Меня убьют, Ирис. Или сделают так, что я навсегда замолчу. — Хлоя вытерла глаза.

— Но ты... ты не боишься. Ты единственная, кто может что-то сделать.

— Я сделаю, — сказала я. — Но молчи пока.

Хлоя кивнула и ушла.

Не успела я доест суп, как к моему столу подошли Лейла и Тиффани. Сверкая золотыми запонками и идеальными причёсками, они смотрели на меня как на кляксу на белой скатерти.

— Ирис Фостер, — протянула Лейла. — Говорят, ты на первой паре отличилась. Зелье получилось аккуратное.

Я не дрогнула.

— Спасибо.

— Но это не повод расслабляться, — Тиффани щёлкнула пальцами, и передо мной повис свиток. — Проверим твои знания. Три вопроса по истории теневой дипломатии.

Я ответила на все. Без запинки, без ошибок.

Лейла скривилась.

— Ладно, — бросила Тиффани, убирая свиток. — Иди. Но мы за тобой присмотрим. Кэмерон, может, и водился с квотницами, но это было в прошлом году. Теперь времена другие.

Они ушли, громко цокая каблуками. Я смотрела им вслед и чувствовала привкус их лжи — приторно-сладкий, как дешёвые духи. Кэмерон «водился с квотницами» — значит, со Стеллой. И Лейла до сих пор не успокоилась.

После обеда я снова попыталась проникнуть в архив студентов. Та же старуха-полудриада сидела на входе и даже не подняла головы.

— Пропуск.

— У меня его нет.

— Нет пропуска — нет входа.

Она щёлкнула пальцами, и дверь затянулась матовой плёнкой — магический замок, который не взломать без специального ключа. Неудача.

Но на обратном пути, проходя мимо комнаты для временного хранения личных дел (дверь была приоткрыта, в деканате ни души), я скользнула внутрь.

Папка Стеллы висела на прежнем месте. Я вытащила её, открыла.

Внутри лежал новый лист. Свежий, пахнувший чернилами. Дата — вчерашняя.

«Митчелл Стелла, исключена посмертно за нарушение устава (п. 14.3 — распространение ложных сведений, п. 7.2 — вмешательство в работу администрации). Все документы, касающиеся её обучения, переданы в архив особого хранения. Доступ запрещён имперским указом № 847.»

Подпись — мадам Бриль.

Я сфотографировала лист кристаллом-мемором. Руки дрожали. Тело Стеллы видели сотни людей — её не стёрли из реальности. Но её имя, её репутацию, её право на справедливость — их убили на бумаге. Задним числом. Получается теперь её исключили за день, до убийства. Но зачем? В случае если кто-то начнет копать, чтоб к руководству университета не было претензий? Они слишком сильно трясутся за свою жалкую репутацию... Посмертно объявили виновной, чтобы никто не копал, не задавал вопросов, не приносил цветы. Это хуже, чем смерть.

Она умерла, но память о ней продолжали убивать — теперь уже чернилами и печатями.

Я сунула папку на место и выскользнула за секунду до того, как в коридоре слышались шаги.

Вечером, сидя на кровати в своей комнате с ободранными обоями и запахом плесени, я смотрела на два снимка в кристалле-меморе: перстень ректора и досье Стеллы.

Завтра я начну охоту. Кэмерон. Джаред. Эташ. Лейла. Кто-то из них знает правду.

Клянусь, Стелла, я докопаюсь.

Глава 4. Тот, кто танцует на костях

За стеной кто-то сдвинул тяжёлый шкаф. Послышался скрежет — металл по камню, потом глухой удар и мат. В соседней квартире — вечный ремонт. Но разбудил меня не он. Разбудил Хлоин храп.

Она лежала на верхней койке, раскинувшись звездой, и издавала звуки, похожие на работу старой пилы. Вдох — свист, выдох — хрип, и снова по кругу. Я приподнялась на локте, посмотрела на неё. Хлоя икнула во сне и затихла на пять секунд, потом захрапела с новой силой.

Я села, спустила ноги на холодный пол. Кое-где из досок торчали гвозди, половицы были застелены тряпками. За стеной снова заскрежетали — похоже, решили переставить ещё и комод.

В коридоре кто-то кашлянул. Я выглянула за дверь. Мой сосед слева, тощий парень с артефакторского, которого все звали Шест (потому что он был высокий и худой, как палка), стоял в одних подштанниках и пинал стену ногой.

— С утра долбят, — пожаловался он, заметив меня. — Третью неделю. Задолбали.

— Кто?

— Да эти, из восточной комнаты. Там поселили двух здоровенных квотников с боевого факультета. Они по ночам штангу поднимают и гантелями стены долбят. Сказали, если пожалуемся — побьют.

Он вздохнул, почесал тощую грудь и ушёл обратно.

Я натянула форму, сунула кристалл-мемор в потайной карман. Вчерашние снимки всплыли в памяти: перстень ректора, досье Стеллы с подписью Бриль. И дата — вчерашняя. Кто-то очень хотел, чтобы сестру забыли. Или боялись, что кто-то начнёт копать.

Сегодня среда. Вечером — сад.

Я вышла в коридор. Воняло дешёвым мыльным порошком и подгоревшей кашей. Кто-то из квотников устроил пожар на общей кухне — опять.

Первая пара — боевая магия. Зал в северном крыле, я туда ещё не ходила. Саймон вчера обронил: «Каллум Дрейк. Ты его запомнишь». Я спросила почему, он только отмахнулся.

По пути в зал я заскочила в туалет поправить воротник. Там уже стояли две девушки с боевого факультета, судя по нашивкам — квотницы. Одна красила губы, вторая поправляла форму.

— Слышала, Дрейк вчера Мирабель с четвёртого курса в саду целовал, — сказала та, что красила губы. — Среди бела дня, никто ничего.

— А кто ж ему сделает? — ответила вторая. — Он же красавчик, и все знают, что ему можно. Десять лет назад из-за него одна прыгнула, и ничего.

— Лора Хейз. Моя старшая сестра с ней училась. Говорит, она была тихая, умная. А после того, как Дрейк её бросил, сама не своя стала.

— Её бросил? Я слышала, она его бросила.

— Ага. И прыгнула с башни. Бывает.

Они захихикали — не зло, а так, по-дурацки. Я вышла, не дожидаясь продолжения.

Тренировочный зал оказался огромным — выше главного корпуса на три этажа. Стекланный купол пропускал серый утренний свет, и он ложился на пол полосами, как решётка. Воздух здесь был холодным и плотным, пахло старым железом и потом сотен студентов, которые до нас учились ставить щиты.

Руны на полу слабо светились синим. Они складывались в круги — большие и маленькие — и треугольники, которые пересекались, образуя сложный узор. В центре зала зияла пустая

площадка с одной огромной руной, начерченной белой краской. Вдоль стен висело оружие — мечи с потускневшими лезвиями, кнуты из кожи неизвестного зверя, шипастые цепи. Некоторые экспонаты выглядели так, будто их не трогали десятилетиями.

Студенты толпились кучками: боевой факультет отдельно, наши — отдельно. Я встала у стены, прислонилась спиной к холодному камню. Шершавая поверхность впивалась в позвонки.

От группы боевиков отделился парень — коренастый, с приветливым лицом и копной русых волос, которая никак не хотела лежать ровно. Он подошёл, сунул руки в карманы.

— Привет. Я Бен. Бен Тарнер. С боевого.

— Ирис. Теневая дипломатия.

— А, дипломаты. — Он улыбнулся широко, по-мальчишески. — Вы там всё языками работаете. А мы кулаками. Но у Дрейка мы все равны. Он всех одинаково унижает, даже элиту.

— Прямо всех?

— В прошлом году на первом курсе он разбушевался — выставил щит такого размера, что половина зала рухнула. Еле восстановили. Говорят, у него дар древнего рода, но он его скрывает. Не хочет, чтобы его в Совет затащили.

— А ты откуда знаешь?

— Слухами земля полнится, — Бен подмигнул. — В общаге квотников все друг про друга всё знают. Мы же как крысы в одной норе.

Он хотел ещё что-то добавить, но дверь с грохотом распахнулась.

Каллум Дрейк вошёл стремительно, как если бы опаздывал на поезд. Но он не опаздывал — он просто не любил ждать. Тёмные волосы стянуты в низкий хвост, несколько прядей падают на лоб и лезут в глаза, но он их не убирает. На левой брови — шрам, единственная неровность на идеально симметричном лице. Глаза у него цвета старого янтаря, и когда он смотрит, кажется, что он видит не вас, а что-то у вас за спиной.

— Второй курс, — сказал он, и голос разнёсся по залу безо всякой магии — одна только хрипотца и низкое, грудное резонирование. — Сегодня щиты. Работа в парах. Не дайте себя убить. Это всё, что нужно знать.

Никаких приветствий, никаких представлений. Он прошёлся по кругу, сапоги стучали по камню мерно, как метроном. Я смотрела на его руки — длинные пальцы, чистые ногти, никаких колец. Только на правом запястье тонкий кожаный браслет, потёртый, старый.

— Фостер с Стоуном, — бросил он, даже не взглянув в список.

Джаред стоял в трёх метрах, скрестив руки на груди. Мантия сидела на нём идеально, серебряный герб факультета блестел при каждом вдохе. Он смотрел поверх моей головы, в какую-то точку на стене.

Мы вышли на площадку. Подошвами я чувствовала руну под ногами — она слабо вибрировала, как живая.

— Ты первая защищаешься, — сказал Джаред. — Не бойся, я не буду бить в полную силу.

— Не надо меня жалеть.

Он чуть прищурился, но ничего не ответил. Просто поднял руку и ударил — открытой ладонью в плечо. Я успела выставить щит: прозрачная, мерцающая стена встала между нами. Его пальцы отскочили, будто от стекла. Джаред убрал руку, пошевелил ими — видимо, отбил костяшки.

— Неплохо, — признал он. — Теперь ты.

Я вложила в удар всё, что скопилось за последние дни. Злость на Лейлу, которая встряса кроны. Страх перед Кэмероном, который знал больше, чем говорил. Отчаяние от вчерашнего досье, где Стеллу объявили виновной посмертно. Джаред отбил щитом — легко, даже не пошатнулся.

Но в момент удара моя эмпатия сработала сама. Непрошенным гостем скользнула в его сознание. Горечь — резкая, как полынь. Страх — липкий, как патока. И ещё что-то, что я не смогла распознать. Что-то тёплое, но надломленное.

— Прекрати, — прошипел он, наклоняясь ближе, так, чтобы никто не услышал. — Я сказал — не лезь мне в голову.

— Я не лезу. Это само.

— Врёшь. — Он ударил снова — сильнее, на этот раз в корпус. Щит треснул, но выдержал. Я отступила на шаг, перевела дыхание. — Ты специально это делаешь. Хочешь что-то выведать.

— А что ты прячешь, Джаред? — спросила я тихо. — Почему у тебя то фото? Стелла в белье, мужчина с перстнем. Откуда оно у тебя?

Он резко выдохнул, опустил руки. Щит исчез.

— Ты понятия не имеешь, во что влезаешь. Стелла... она была не той, кем казалась. И если ты продолжишь копать, закончишь так же.

— Это угроза?

— Это факт. Я видел, как она умирала.

Я замерла.

— Ты был там?

Он не ответил. Отошёл к краю площадки, встал спиной.

Дрейк, который смотрел на нас, чуть приподнял бровь, но ничего не сказал. Только крикнул:

— Смена пар. Стоун — с Ридом. Фостер — с Фридом.

Эсташ отделился от стены. Высокий, темноволосый, лицо — как маска. Ни улыбки, ни хмурости. Он подошёл, и только тогда я заметила, что его глаза — почти чёрные, без радужки. Или радужка такая тёмная, что сливается со зрачком.

— Ты быстро вывела Стоуна из себя, — заметил он. — Обычно он невозмутим.

— Может, у меня талант.

— Может.

Он встал в стойку — небрежно, но я почувствовала: это не небрежность, а выученная расслабленность. Он атаковал резко, ребром ладони, с разворота. Я едва успела выставить щит. Удар оказался сильнее, чем у Джареда, и мой щит задрожал, по нему пошли трещины.

— Медленно, — сказал Эсташ. — Твоя защита запаздывает на полсекунды. За это время тебя могут убить дважды.

— Спасибо, утешил.

— Я не утешаю. Я тренирую.

Он ударил снова — в корпус. Я отбила, но потеряла равновесие. Эсташ подхватил меня за локоть, удержал. Пальцы холодные, цепкие, как стальные прутья.

— Тиффани вчера говорила про тебя, — сказал он, когда я выпрямилась. — Сказала, что ты слишком умная для своего происхождения.

— А ты что ответил?

— Сказал, что умные обычно долго не живут в Аскане. И квотницы — особенно.

Он отпустил меня и отошёл. Я смотрела ему вслед, чувствуя на локте след от его пальцев — холод, который не проходил.

Дрейк хлопнул в ладоши. Все замерли.

— Теперь я атакую. Ваша задача — не дать мне дотронуться до вас.

Он вышел в центр круга и закрыл глаза. Зал затих — даже ветер за стеклянным куполом перестал дуть. Тишина стала плотной, как вода. Я слышала биение своего сердца.

Дрейк открыл глаза. Зрачки вспыхнули золотым — не светом, а именно цветом, будто кто-то зажёл внутри лампы.

Он двинулся. Не побежал — поплыл. Плавно, почти лениво, но каждый шаг съедал метры. Первым он сбил с ног парня с боевого факультета — тот даже не успел поднять руки. Вторым — девушку, которая попыталась убежать. Он коснулся её плеча, и она замерла, как парализованная.

Я приготовилась. Собрала всю волю в кулак, выставила щит — двойной, тройной, насколько хватило сил.

Дрейк оказался передо мной через мгновение. Я не увидела его приближения — он просто возник, как будто всегда здесь стоял. Его ладонь легла мне на плечо. Легко, почти невесомо. Пальцы были тёплыми.

— Мертва, — сказал он. — В следующий раз не стой столбом. Двигайся, даже если не знаешь куда.

Он ушёл к следующей жертве.

Я стояла, глядя на его спину. На плече осталось тепло — чужое, непрошеное. Я потёрла это место ладонью, но тепло не исчезало.

После занятия Бен подошёл ко мне.

— Ну как? — спросил он, потирая ушибленное плечо. — Я говорил: он всех одинаково.

— А ты чего не убежал?

— А куда? — Бен усмехнулся. — От него не убежишь. У него дар — он чувствует движение воздуха. Даже если ты за его спиной, он знает, куда повернуться.

— Откуда ты знаешь?

— Третьекурсники рассказывали. У них была пара, он на спор завязал глаза и поймал всех. Всех до одного. В темноте.

Бен ушёл, помахав на прощание.

Я нашла Саймона в коридоре западного крыла. Он хромал сильнее обычного — вчерашний синяк под глазом стал фиолетовым, почти чёрным.

— Что ты знаешь о Дрейке?

Саймон оглянулся и увёл меня в нишу за колонной.

— Говорят, он из обедневшего рода, но магия сильная. Ректор сам пригласил. Ещё говорят, он спит со студентками. Сейчас с Мирабель с четвёртого курса.

— А та, что покончила с собой? Лора Хейз?

Саймон побледнел.

— Спрыгнула с башни обсерватории десять лет назад. Оставила записку, но её не обнаружили. Говорят, была влюблена в Дрейка. Или он в неё. Никто не знает. Но старые студенты шепчутся: Лора собиралась идти в магическую полицию с заявлением. А на следующий день её нашли.

— Какое заявление?

— Не знаю. Но знаю, что после её смерти Дрейка не уволили. Только сделали выговор. И всё.

Саймон ушёл, хромая.

В обеденной зале я села в углу. Взяла поднос с серым супом и хлебом. Рядом примостился Бен — тот самый с боевого факультета.

— Можно? — спросил он, уже садясь.

— Зачем спрашиваешь, если уже сел?

— Вежливость. Моя мама учила, что с девушками надо вежливо.

Он улыбнулся. Я отломала кусок хлеба.

— Ты давно здесь? — спросила я.

— Первый год. Из квоты. Отец погиб на рудниках, мать работает прачкой. Я поступил по боевой магии — у меня небольшой талант, но я пашу как проклятый, чтоб наверстать два курса сразу.

— И как, помогает?

— Пока не очень. Старшекурсники гнобят, деньги вытрясают. Но я терплю. — Он жевал суп и смотрел куда-то вдаль. — Ты Стеллу знала?

Я напряглась.

— Почему ты спросил?

— Видел, как ты у её доски стояла. И подслушал ваш с Джаредом разговор на сегодняшнем занятии. Я её не знал, но слышал про неё. Говорят, она была сильная. Не магией, характером. Никому не давала спуска.

— Она умерла, — сказала я.

— Знаю. И никто не расследовал. Так здесь всегда. Богатый может всё, бедный — ничего. Он доел суп и встал.

— Ты будь осторожнее. Те, кто копал до тебя, долго не задерживались.

Он ушёл. Я осталась одна.

Я доела хлеб и вышла из столовой. В коридоре столкнулась с Джаредом — он стоял у окна, смотрел на сад.

— Ирис, — окликнул он, не оборачиваясь. — Ты всё лезешь не туда.

— Я никуда не лезу. Я просто учусь.

— Врёшь. Ты спрашиваешь про Стеллу, про Дрейка, про архив. Ты копаешь.

— А ты что делал с её фото? Почему у тебя снимок, где её укрывает мужчина с перстнем? Джаред резко обернулся.

— Тот снимок — не твоё дело.

— Стелла — моя подруга, — ответила я осторожно. — Была.

— Подруга. — Он усмехнулся. — Ты даже не знаешь, кем она была на самом деле.

— А ты знаешь?

Он замолчал. Сжал губы. Потом сказал:

— Если узнаешь правду, тебе станет только хуже. Поверь.

Он ушёл.

Вернувшись в комнату, я застала Хлою за перевязкой.

— Ещё что-нибудь узнала? — спросила я.

Хлоя оглянулась на дверь.

— Приходил Дрейк. Вечером, когда никого не было. Спрашивал про тебя.

— Про меня?

— Узнавал, кто ты, откуда, почему перевелась. Как попала сразу на второй курс. Я сказала, что не знаю. Он посмотрел так... будто решал, живую меня оставить или мёртвую.

— Угрожал?

— Не словами. Взглядом.

Я села на кровать. Дрейк интересуется мной. Зачем?

Достала кристалл, добавила заметку.

Затем вспомнила, что говорили девушки в туалете про Лору Хейз и про старого куратора Эдгара. Может, стоит навестить подвал кузницы.

Спрятала камень.

В дверь постучали. Три коротких удара.

Кэмерон. Без перевязи, в простой рубашке. Волосы влажные.

— Можно?

— Зачем?

— Поговорить.

Я посторонилась.

— Сегодня на паре у Дрейка ты держалась неплохо, — начал он.

— Спасибо.

— Но ты слишком открытая. Дрейк опасен. Не как ректор. Тот — политик. Этот — сам по себе.

— Почему ты меня предупреждаешь?

Он посмотрел на меня долго. В его глазах — усталость и страх.

— Потому что Стелла тоже ходила на его пары. И он ею заинтересовался. А через месяц она умерла.

Я похолодела.

— Ты думаешь, Дрейк связан с её смертью?

— Я ничего не думаю. Я говорю факты.

Он повернулся, чтобы уйти, но на пороге остановился.

— И ещё. Тот перстень на руке ректора, который ты рассматривала. Не думай, что это осталось незамеченным. Будь умнее.

Он ушёл.

Я стояла, глядя на стену.

Кэмерон заметил. Откуда? Следил сам? Или кто-то доложил?

Достала кристалл. Пересмотрела снимки. Добавила новую запись: «Дрейк знал Стеллу. Кэмерон знает больше, чем говорит. Старый куратор Эдгар — подвал кузницы. Завтра среда. Сад».

За окном темнело. Хлоя уже заснула на верхней койке — на этот раз без храпа, ровно дышала.

Слишком много вопросов. Слишком мало ответов.

Он вышел. Дверь за ним закрылась.

Я стояла, глядя на ободранную стену.

Сегодня среда. Сад ждёт.

Я пойду.

Тиффани Кросс

Глава 5. Тайное собрание

Дождь к вечеру не кончился. Наоборот, разошелся всерьез — заливал окна общежития так, что стекла превратились в мутные водопады. Хлою выдернули на дополнительное дежурство в лазарет — Вейн вызвала ее еще до ужина, и соседка только вздохнула, натягивая мантию. «Не жди, — сказала она с порога. — Приду поздно, может, даже к утру». Я кивнула и осталась одна.

За стеной снова скрежетали — те двое, с боевого факультета, опять передвигали мебель. Доски в коридоре скрипели под чьими-то тяжелыми шагами. Я сидела на кровати, сжимая в пальцах кристалл-мемор, и смотрела на снимок перстня. Волчья голова, желтое золото, матовая поверхность. Знак, который носили те, кто правил этим миром.

Потом я достала дневник Стеллы. Маленькая тетрадь в кожаном переплете, которую я перечитывала уже в сотый раз. Страницы были исписаны нервным, торопливым почерком — сестра всегда писала быстро, будто боялась, что не успеет. Я перелистнула на то место, где текст обрывался, а последние строки были выведены дрожащей рукой, почти неразборчиво:

«Они собираются в саду по средам...»

Я не знала тогда, что это значит. Думала, речь о кучке элитных студентов, которые пьют вино и травят квотников. Но как-то в оранжерее я услышала другое — они называли это ритуалом. Говорили о крови, о списках, о семи именах. Система, как выразилась Тиффани.

Значит, Стелла знала. И не успела сказать, что именно там происходит.

Я спрятала дневник под матрас, застегнула толстовку, проверила амулеты. Записывающий лежал в кармане, кристалл-мемор — на груди, под тканью. Сегодня среда. Сад.

За окном лило как из ведра.

Коридоры общежития квотников были пусты. Только в торце кто-то курил в открытое окно — сизый дымок тянулся вверх, смешиваясь с дождевой взвесью, и тут же исчезал, разорванный ветром. Пахло сыростью, табаком и еще чем-то кислым — может, от кухни, где вечно кипели дешевые похлебки. Я прошла мимо, не глядя. Парадная дверь восточного крыла выходила в маленький дворик, откуда можно было через арку попасть в императорский сад.

Дождь хлестал в лицо, как только я вышла. Я подняла воротник, сунула руки в карманы и зашагала по мокрому базальту. Под ногами хлюпало — туфли давно прохудились, и вода пробиралась к пальцам ледяными нитями. Ветер задувал под толстовку, и я поежилась.

Сад в темноте выглядел иначе, чем в первый вечер. Сейчас он не казался романтическим — скорее зловещим. Мокрые кусты сирени пригибались к земле, ветки хлестали по лицу, когда я пробиралась вдоль живой изгороди. Фонари не горели — их залило дождем, или их специально погасили для тех, кто собирался здесь по средам. Луна пряталась за тучами, и единственным источником света была тусклая флуоресценция лишайников на старых каменных стенах.

Я шла к старому фонтану — тому самому, где избивали Саймона, где впервые появился Кэмерон из темноты. В дневнике Стеллы не было сказано, где именно они собираются, но я предполагала, что в том же месте, где элита привыкла собираться вообще. Фонтан был центром сада, местом, откуда просматривались все тропинки.

Тишину резал только дождь. Ни музыки, ни смеха, ни звонов бокалов. Может, я пришла рано. Надо подождать...

Я замерла за густыми зарослями жасмина, откуда открывался вид на фонтан. Вода в чаше переливалась через край, черная, маслянистая, и каждый удар капли о поверхность отзывался глухим эхом. Никого.

Подождала пять минут. Десять. Холод пробирался под толстовку, и я начала дрожать. Руки в карманах сжались в кулаки. Зубы стучали — то ли от холода, то ли от страха. Я почти

убедила себя, что сегодня ничего не будет, что среда — это не всегда собрание, что, может быть, дождь их распугал.

Почти собралась уходить, когда заметила движение у восточной стены сада — там, где старая оранжерея примыкала к башне астрономов. Кто-то быстро прошел, сгорбившись, пряча лицо от дождя. Я пригляделась. Фигура была знакома — широкая спина, тяжелая походка, рыжие волосы, выбивающиеся из-под капюшона. Райан Гейл. Один из рыжих братьев.

Он шел не к фонтану, а к оранжерее. Я двинулась следом, держась теней, стараясь не шуметь, ступая туда, где дождь смыл листву с камней и можно было идти почти бесшумно. В ушах стучало сердце — так громко, что казалось, его услышат за милю.

Оранжерея была старой — стеклянные секции потрескались, некоторые рамы зияли пустотой, и ветер завывал в этих проломах, как голодный зверь. Внутри горел тусклый свет — масляная лампа, подвешенная к потолку, раскачивалась от сквозняка, и тени прыгали по стенам, как живые. Я пролезла через разбитую секцию, пригибаясь, порезав ладонь об острый край. Осколок вошел в кожу неглубоко, но кровь выступила сразу — красная, яркая на фоне серого камня. Я зажала рану и замерла за большим фикусом в кадке. Листья фикуса были пыльными, кое-где изъеденными; от них пахло сырой землей и плесенью.

В центре оранжереи стояла группа. Небольшая — человек восемь, не больше. Райан и Руперт, Джаред, Лейла и Тиффани, двое парней с боевого факультета, которых я не знала, и девушка с целительского. Они стояли полукругом, как на сцене, и все смотрели на того, кто говорил.

Говорил Руперт.

Я вытащила записывающий амулет, включила. Пальцы дрожали — от холода или от напряжения. Амулет нагрелся и начал вибрировать — значит, записывал.

— ...я же говорил, она копает, — голос Райана, злой, приглушенный. — Сегодня у Дрейка на паре Стоун с ней едва не подрался.

— Я не подрался, — отозвался Джаред спокойно. Слишком спокойно. Он стоял чуть поодаль, скрестив руки на груди, и смотрел в пол. — Я работал в паре по заданию.

— Ага, работал. Ты ей про Стеллу рассказал?

— Ничего я ей не рассказывал.

— А она что-то знает, — вступила Лейла. Она стояла у стены, поправляя прическу — даже под дождем, даже в старой оранжерее, она оставалась Лейлой.

— Я видела, как она на меня смотрела в столовой. Будто я что-то скрываю.

— А ты скрываешь, — заметила Тиффани. Она сидела на подоконнике, болтая ногами, и вертела в руках зеркальце.

— Все мы что-то скрываем.

— Тихо, — Руперт поднял руку. Он был главным здесь — или хотел казаться главным. — Дело не в ней. Пока что. Кэмерон за ней присматривает. Сказал, что это не нашего ума дело.

— Кэмерон вообще много что говорит, — проворчал Джаред.

— Кэмерон — президент студсовета. И его отец — лорд Рид. У него есть власть, которой у нас нет.

Джаред молчал. Когда Райан упомянул Кэмерона, он поднял голову, но ничего не сказал. Я смотрела на его профиль — напряженный, сжатые губы. Он знал, что я здесь. Или догадывался.

— Сегодня среда, — сказала Тиффани, убирая зеркальце. — Мы собрались, чтобы обсудить... дело.

Она не сказала какое. Но все поняли.

— В этом году список утвержден, — продолжила Тиффани. — Пять имен. Все — квотники. Никто не будет возражать. Как обычно.

— Как обычно, — эхом отозвалась Лейла. — Лора, потом Стелла, теперь эти. Система работает.

— А если кто-то спросит?

— Никто не спросит. Те, кто может спросить, уже в списке.

Они замолчали. Дождь барабанил по стеклянной крыше — гулко, как тысячи маленьких молоточков. Где-то капало с потолка, и капли падали в лужу на полу с мерным, гипнотическим звуком. Пахло мокрой штукатуркой, старым железом и еще чем-то сладковатым — может, от духов Лейлы, а может, от гниющих в углах цветов, которые когда-то здесь выращивали.

— Итак, по музыкальным конкурсам, — говорила Тиффани, водя пальцем по своей планшетке. — В этом сезоне три крупных соревнования: Императорский конкурс вокалистов, Осенняя академическая ассамблея и Зимний бал двенадцати империй.

— Ты хочешь забрать все три? — спросил Руперт.

— А почему нет? — Тиффани откинула волосы. — Я должна получить статус оперной дивы империи до окончания университета. Это моя цель. Я не собираюсь уступать сцену каким-то квотницам, у которых голоса как у кошек под окном.

— У нас есть проблема, — сказал Райан. — В этом году на Ассамблее заявлена первокурсница с целительского факультета. Эмили, кажется. У нее сильный голос, педагоги говорят, что сопрано редкое.

— Эмили — квотница, — поморщилась Тиффани. — Она отвалится после первого тура. Нужно только подсунуть ей плохого аккомпаниатора. Или «случайно» перепутать ноты перед выступлением.

— А если у нее есть покровители?

— Откуда у квотницы покровители? — Тиффани усмехнулась. — Она сирота из приюта. Максимум, что у нее есть — это старая учительница, которая учила ее петь бесплатно. С ней не проблема.

— По боевым дисциплинам, — продолжил Руперт, листая свои бумаги, — у нас двое сильных конкурентов с боевого факультета. Оба квотники. Один — Бен Тарнер, второй — Грег Флампа.

— Разберитесь с ними, — бросил Райан. — Тарнера можно сломать морально, он парень нервный. А Флампа... ну, можно подкупить. Всегда есть цена.

— По теневой дипломатии, — сказала Лейла, не поднимая головы от своего листа. — У меня главная цель — стать теневым магом первого ранга при императоре. Для этого мне нужно победить в трех дисциплинах: магия убеждения, шпионское мастерство и прикладная дипломатия.

— А конкуренты? — спросил кто-то.

— Была одна — Стелла Митчелл. — Лейла поморщилась. — Теперь нет. Остальные — середнячки. Справлюсь.

— А та новенькая? Ирис Фостер? Она же перевелась экстерном на второй курс. Говорят, сдала экзамены блестяще.

— Ирис Фостер — квотница, — отрезала Лейла. — И она не продержится долго. Я уже попросила отца проверить ее документы. Если найдутся нарушения — вылетит быстрее, чем появилась.

— Так, по распределению мест, — подвел итог Руперт. — Из двадцати олимпиадных мест мы забираем себе пятнадцать. Остальные пять раскидаем между квотниками, чтоб никто не заподозрил.

— Пять — это много, — возразил Райан. — Хватит трех.

— Три — слишком мало. Комиссия заметит, что квотников нет в топах. Пять — нормально. Пусть победят в чем-то незначительном: в истории магии, в древних рунах, в травни-

честве. Все равно никто эти дисциплины всерьез не рассматривает. Завтра утром передаём списки мадам Бриль. Она оформит всё через ректорат.

— А доля? — спросил Джарерд.

— Как обычно. Бриль забирает десять процентов от каждого «успешного распределения». — Тиффани усмехнулась. — В прошлом году она получила сорок тысяч. В этом будет больше.

— На следующей неделе, — сказал Руперт. — В подвале. Все как в прошлый раз.

Дверь оранжереи с грохотом распахнулась.

Кэмерон вошел быстрым шагом, за ним — Эсташ Фрид, высокий, темноволосый, с каменным лицом. Кэмерон был без мантии, в белой рубашке, заляпанной дождем. Волосы прилипли ко лбу. Он окинул взглядом собравшихся, и все опустили глаза — даже Руперт.

— Вы охренели, — сказал он тихо, но так, что каждое слово повисло в воздухе. — Пятнадцать мест из двадцати? Вы что, решили, что никто не заметит?

— Никто не заметит, — спокойно сказал Райан. — Система работает. Все по-честному.

— Если я буду играть по-честному без этих списков, вы вообще останетесь внизу таблицы. Все до одного. Потому что без ваших папиных денег и маминых связей вы — никто.

Тишина стала плотной, как вода. Лейла открыла рот, но Кэмерон не дал ей сказать.

— Система работала до прошлого года. После смерти Стеллы за университетом наблюдают. Тайная канцелярия, имперская комиссия, даже газетчики. Если вы сейчас начнете хватать все подряд — это будет скандал.

— А что ты предлагаешь? — спросила Тиффани. — Отдать им половину?

— Я предлагаю не борзеть и умерить аппетиты. Хотя бы в этом году. Пусть квотники победят там, где они реально сильны. А вы победите там, где сильны вы. И без явных подтасовок.

— Без подтасовок я не смогу победить в оперном конкурсе, — обиженно сказала Тиффани. — У меня голос хороший, но у той Эмили лучше.

— Значит, не судьба тебе стать оперной дивой.

— Как ты смеешь!

— Я смею, потому что я здесь главный, — Кэмерон повысил голос. — И я не собираюсь рисковать репутацией университета из-за ваших амбиций. Еще один скандал — и нас всех вышвырнут. А ваши папы не помогут, потому что им самим будет не до вас.

— Ты просто боишься, — буркнул Руперт. — Всегда боялся.

— Я не боюсь. Я думаю. В отличие от вас.

Кэмерон прошелся по оранжерее, заложив руки за спину. Остановился у стола, взял стопку документов, пролистал.

— Так, по боевым дисциплинам. Тарнера не трогать. Он реально сильный, пусть побеждает. Флампа — тоже. По музыкальным конкурсам — Тиффани, ты участвуешь только в Императорском конкурсе. Остальные два отдай квотникам.

— Но...

— Без но. По теневой дипломатии — Лейла, ты участвуешь в магии убеждения и шпионском мастерстве. Прикладную дипломатию отдай кому-нибудь из квотников.

— Зачем? — Лейла скривилась. — Я сильнее всех.

— Ты сильнее, но у тебя уже будет две победы. Третья вызовет вопросы. Пусть кто-то другой порадуется.

— Ты как будто готовишь себе алиби, — заметил кто-то из боевиков. — На случай, если начнут копать.

— Я готовлю себе спокойную жизнь, — отрезал Кэмерон. — А вы, если не умеете думать на шаг вперед, не лезьте в большие игры.

Я стояла за фикусом, прижимаясь спиной к холодной стене, и чувствовала, как внутри поднимается волна — страха, ярости, отвращения.

— А как же Стелла? — снова спросила Тиффани. Она сидела в углу на подоконнике, болтая ногами. — Она тоже думала на шаг вперед. И что? Ее убили.

Кэмерон резко обернулся.

— Я сказал — не поднимать эту тему.

— Почему? Что ты скрываешь? — Тиффани не отвела взгляд.

— Ничего я не скрываю.

— Тогда скажи прямо: почему я не могу поднять тему о странной смерти своей сокурсницы?

Кэмерон подошел к ней, навис. Тиффани побледнела, но не отодвинулась.

— Еще одно слово, и ты вылетишь из университета. Поняла?

— Поняла, — прошептала Тиффани и замолчала.

Но Лейла не унималась.

— Интересно, Кэмерон, почему ты так печешься об этой мертвячке? — спросила она, сложив руки на груди. — У тебя что, с ней что-то было?

Кэмерон замер. Все в оранжерее замерли. Даже дождь за окном стал тише.

— Ты чего, Лейла? — спросил Райан.

— А что? Все в курсе. Он водил ее в библиотеку, гулял с ней по саду, приглашал на закрытые вечеринки. А когда она умерла — ходил сам не свой. Месяц ни с кем не разговаривал.

— Лейла, заткнись, — тихо сказал Кэмерон.

— Не затыкай мне рот! — Лейла встала, подошла к нему. — Ты мой парень, или нет? Я имею право знать, что у тебя было с этой... с этой...

— Закрой рот, я сказал!

— Или что? — Лейла усмехнулась, но в глазах у нее был страх. — Или ты и меня бросишь?

Кэмерон шагнул к ней, схватил за плечо. Сильно. Лейла вскрикнула.

— Еще одно слово про Стеллу — и мы расстанемся. Мне не нужна девушка, которая меня не слышит, не слушает и тем более не доверяет мне. Поняла?

— Пусти! Больно!

Кэмерон отпустил ее, отступил на шаг.

— Ты что, сдурел? — спросил Руперт.

— Я в своем уме. — Кэмерон повернулся к столу, поправил документы.

— А может, Лейла права? — неожиданно подал голос Джаред. До этого он молчал, стоя у стены, и казалось, его здесь нет. Но теперь он вышел вперед, и все посмотрели на него.

— Что ты сказал? — Кэмерон обернулся.

— Я говорю — может, Лейла права. Может, у тебя действительно что-то было со Стеллой. И может, именно поэтому ты так бесишься, когда о ней говорят.

— Джаред, не лезь не в свое дело.

— А я лезу. — Джаред подошел ближе.

— Может, это твоя подружка прихлопнула ее из-за ревности? — Он кивнул на Лейлу.

— При чем здесь моя девушка? — Кэмерон нахмурился.

— Покайся, Лейла, может, это ты? — сказал Джаред, поворачиваясь к Лейле. — Может, это ты ее пришила?

— Я?!

— А что? Она была умнее тебя. Талантливее. Кэмерона можно понять как мужчину — с такой интересно, а с тобой только по принуждению.

Лейла побелела. Ее глаза сверкнули. Она схватила туфлю и запустила в Джареда.

Он увернулся — туфля ударила в стену и упала в клумбу с орхидеями.

— Ты... ты... — заорала Лейла, трясясь от ярости. — Как ты смеешь!

— А что, правда глаза колет?

— Я тебя сейчас!

— А я тебя видел, — перебил Джаред, и голос его стал тише, но жестче. — В подвале.

После того, как нашли тело Стеллы.

Лейла замерла.

— Ты была там. Выходила из подвала, когда уже все прибежали. Ты была в крови.

— Я хотела с ней поговорить. Мы поссорились из-за Кэмерона, и я... я пришла, но она уже была...

— Мертва? И ты не вызвала стражу? Ушла?

— Я испугалась!

— Испугалась? Или добила?

Лейла замахнулась, но Джаред перехватил её руку.

— Хватит! — закричала Лейла.

— А где ты была в момент ее смерти? — спросил Джаред.

— Я была на свидании! С Кэмероном. — Лейла развернулась к нему и её глаза начали слезиться, голос задрожал. — В тот вечер мы были на открытии Императорского театра. Шла премьера «Слез Лорелеи». Мы сидели в императорской ложе, пили шампанское, смотрели первый акт.

— Был такой вечер, — медленно сказал Кэмерон. — Премьера. Я пригласил тебя.

— Вот видишь! У меня есть алиби.

— А что ты делал в подвале, Джаред? — Лейла перевела взгляд на него. — Может, это ты убийца-маньяк? Я знаю, что ты за ней следил. Коллекционировал ее фотокарточки. У тебя дома целая комната с ее снимками.

Джаред побледнел.

— Это не твое дело.

— Мое! Потому что ты обвиняешь меня, а сам — самый подозрительный. Ты следил за ней. Даже Кэмерон знает.

— Это правда? — спросил Райан, глядя на Кэмерона.

— Правда, — нехотя ответил Кэмерон. — Я был у него дома. Стены увешаны ее фотографиями. Стелла в библиотеке, Стелла в саду, Стелла спит на лекции.

— Я не маньяк, — тихо сказал Джаред. — Остальное — не ваше дело.

— Ну-ну... — Лейла засмеялась.

— Я пытался ей помочь... — Джаред посмотрел ей прямо в глаза. — Что ты знаешь о человеческой доброте? Ты используешь людей.

— А ты? Ты используешь ее память, чтобы оправдать свою одержимость.

— Я был в подвале, потому что она меня позвала, — сказал Джаред. — Она прислала пичьмо. Написала: «Джаред, мне страшно. Приходи, пожалуйста». Я прибежал, а она уже была мертва.

Он замолчал. Сглотнул.

— Она не успела сказать, кто ей угрожал. Но она боялась. И она сказала одну вещь. Сказала: «Если со мной что-то случится, ищи правду».

Он поднял голову, обвел всех взглядом.

— Она была самая чистая и светлая из всех нас.

Он повернулся и вышел. Дверь хлопнула.

Тишина.

— У Стоуна нервы, — сказал Руперт. — Он не справляется.

— Он справится, — ответила Тиффани. — У него нет выбора.

Она зевнула, поправила мантию.

— Всё? Мы закончили?

— Закончили. — Руперт подошел к лампе и задул ее.

Кэмерон встал, сгреб документы.

— Собрание окончено. Все разошлись.

Он вышел. Эсташ — за ним. Райан и Руперт начали выталкивать остальных.

Я ждала, пока оранжерея опустеет. Вылезла из-за фикуса. Оранжерея погрузилась в темноту, и я замерла, стараясь не дышать. Мимо меня прошли Райан и Руперт — так близко, что я чувствовала запах их одежды: мокрой шерсти и дешевого табака. За ними — Лейла и Тиффани, переговариваясь шепотом. Потом остальные.

Я ждала, пока их шаги не стихли, и только тогда двинулась к выходу.

Выбралась через ту же разбитую секцию, порезав другую руку — теперь уже не жалея. Кровь смешалась с дождевой водой, и я зажала обе ладони под мышками, чертыхаясь сквозь зубы.

Дождь к этому времени почти кончился. Из туч показалась луна — бледная, худая, похожая на серп. Она осветила мокрые камни, и тени от кустов стали длинными, как пальцы.

Я почти бегом вернулась в общежитие. В коридорах было тихо — все спали. Только из-за двери Шеста доносился храп — такой же громкий, как у Хлои.

В комнате было темно. Хлоя еще не вернулась. Я скинула мокрую толстовку, села на кровать, выключила амулет. Запись была.

Я переслушала запись три раза, сидя в темноте, обхватив колени руками. Голоса звучали приглушенно, но разборчиво.

Я перемотала на место, где Тиффани говорила про список. «Лора, потом Стелла, теперь эти». Значит, Лора была жертвой — той самой Лорой Хейз, которая спрыгнула с башни. Или ее заставили спрыгнуть? И Стелла, и Лора — обе «самоубийцы». Обе — квотницы. Обе задавали вопросы.

Спать не хотелось — внутри все кипело. Я вышла в коридор, прошла до конца, где висело маленькое замызанное окно. Выглянула на улицу. Дождь кончился, тучи расходились, и луна освещала мокрые плиты.

Кто-то стоял внизу, под окном, глядя вверх. Я отшатнулась, но успела узнать широкие плечи, светлые волосы, прямой нос. Джарерд. Он смотрел прямо на меня, хотя в темноте не мог меня видеть — или мог. В руке у него был какой-то сверток. Он поднял его, будто показывая, и положил на подоконник снаружи.

Потом развернулся и ушел.

Я спустилась вниз, вышла на улицу. На подоконнике лежал маленький кожаный мешочек. Я развязала его — внутри оказался кусок старого пергамента, сложенный в несколько раз. Я развернула.

Там было написано: «Не ходи больше в сад. Это опасно».

Я спрятала пергамент в карман.

Я шла обратно в общежитие под дождем. Вода текла по лицу, смешиваясь с чем-то соленым. У порога я остановилась.

Они распределяли победы. Продавали места. Мадам Бриль получала проценты. Квотников отодвигали, затыкали, убивали.

Стелла была в списке. Стелла узнала правду. И Стелла умерла.

Лейла была на премьере с Кэмероном. У неё есть алиби.

Джаред бежал на её зов. Пришёл слишком поздно. Но зачем за ней следил?

Кэмерон... Кэмерон, кем он был для Стеллы?

Кто-то из них врёт. А может, все трое.

А. Кто этот А. Тот, кого Стелла велела искать. Тот, кто держал нож? Или тот, кто заказал убийство?

В мокром камне отражалась луна — бледная, худая, похожая на серп.
Один вопрос стучал в висках. Один, который не даст мне уснуть этой ночью.
Кто убил Стеллу?

Глава 6. Дело Лоры Хейз

— Ты чего такая хмурая? — Хлоя оторвалась от учебника по анатомии, глядя на меня поверх очков. — Опять не спала?

— Спала, — ответила я, застёгивая манжеты рубашки. — Просто приснилось, что меня отчислили. До сих пор тошно.

Хлоя хмыкнула, не поверила, но лезть не стала. Умная девочка. Собрала свои котелки и тетради, сунула в рюкзак.

— Я сегодня допоздна в лазарете. Вейн сказала, что у нас проверка из имперской комиссии. Если про меня спросят — я ничего не знаю.

— Кто спросит?

— Так просто. Мало ли. — Она пожала плечами.

Она вышла. Дверь за ней хлопнула.

Я осталась одна. Достала из-под матраса дневник Стеллы, перелистнула на последнюю страницу.

Сегодня четверг. До следующей среды — шесть дней.

Я спрятала дневник, сунула в потайной карман кристалл-мемор и маленький отмыкающий амулет.

По пути к восточному крылу я свернула в столовую за хлебом. Раннее утро, студентов почти нет. Только в дальнем углу сидели Тиффани и Эшаш.

Они не заметили меня.

Тиффани поправляла ему воротник мантии — жест интимный, почти нежный. Эшаш смотрел на неё сверху вниз, и в его каменном лице вдруг проступило что-то человеческое. Он взял её за руку, что-то тихо сказал. Тиффани рассмеялась — не своим обычным деланным смехом, а настоящим, звонким.

Я отвернулась, чтобы не пялиться.

Вот, значит, как. Тиффани и Эшаш. Та самая пара, о которой шептались в коридорах. Она — дочь советника, мечтает стать оперной дивой. Он — тёмный, молчаливый, никому не доверяет. И вместе они смотрятся правильно. Как две половинки одного механизма.

Я вышла из столовой, жуя хлеб на ходу.

Архив студентов находился в подвале восточного крыла. Я уже пробовала туда попасть — старуха-полудриада не пустила без пропуска. Но сегодня у меня был план.

На первом этаже главного корпуса я проверила расписание дежурств. Грета — так звали хранительницу — уходила на обед ровно в час. Ровно на час. Мне хватило бы пятнадцати минут.

Я пришла без четверти час. Спряталась за колонной напротив двери. Сердце стучало где-то в горле. Наконец дверь скрипнула, и Грета вышла — маленькая, горбатая, в бесформенном платье. Она зевнула, поправила платок и потопала в сторону столовой.

Я подождала десять секунд. Потом скользнула внутрь.

Архив оказался огромным — стеллажи уходили вверх до потолка, кое-где торчали приставные лестницы. Пахло пылью, старой бумагой и чем-то сладковатым. Света было мало — тусклые магические лампы горели через одну.

Я прошла к секции личных дел. Стеллажи 15–20: «Отчисленные, исключённые, уволенные». Провела пальцем по корешкам. Вот оно.

Лора Хейз. 1346 год выпуска. Факультет теневой дипломатии.

Папка была тонкой — страниц десять, не больше. Я открыла её прямо там, между стеллажами.

Сверху — личное дело. Фотография: девушка с пепельными волосами, серьёзными глазами, чуть приоткрытыми губами. Похожа на Стеллу. Те же светлые волосы, тот же острый подбородок. Я провела пальцем по снимку.

Дальше — зачётная книжка. Отличница. Все экзамены сданы на «высший балл». Рекомендации преподавателей. Особо отмечена профессором Кракеном: *«Лора обладает редким даром убеждения. Если продолжит в том же духе, станет лучшим теневым советником своего поколения»*.

Я перевернула страницу. Дальше — медицинское заключение: *«Смерть в результате падения с высоты. Заключение магической полиции: самоубийство»*.

И последний лист. Тот, ради которого я пришла.

«Дело № 847. По факту смерти студентки Лоры Хейз. Заключение: признать смерть самоубийством на почве психического расстройства. Рекомендовано закрыть дело». Комиссия из пяти человек проводила внутреннее расследование. Одно имя мне было знакомо: магистр Эдгар Корбин.

Корбин. Профессор Корбин, который вёл у нас прикладную магию убеждения. Тот, кто на первом занятии заявил, что знал Стеллу.

Он вёл дело Лоры Хейз. Он его закрыл. И теперь он работает в Аскане.

Я сфотографировала все страницы на кристалл-мемор, сунула папку на место.

У выхода остановилась, прислушалась. В коридоре было тихо. Грета ещё не вернулась. Я выскользнула за секунду до того, как в конце коридора послышались её шаркающие шаги.

Вернулась в комнату. Села на кровать, пересмотрела снимки. Корбин. Он знал Лору. Знал и Стеллу. Может, он и есть А?

После обеда я пошла в библиотеку — не в закрытое хранилище, а в общий читальный зал. Хотела найти старые газеты за тот год, когда умерла Лора. Может, там было что-то, чего нет в официальном деле.

В читальном зале было пусто. Только старый библиотекарь дремал за стойкой. Я прошла к полкам с периодикой, нашла подшивку «Имперского вестника» за 1346 год.

Листала страницы. Политика, войны, светская хроника. И вдруг — маленькая заметка на пятнадцатой странице.

«Трагедия в Аскане. Студентка магической академии Лора Хейз (19) погибла в результате несчастного случая. Администрация выражает соболезнования семье. Расследование проводит магическая полиция. Предварительная причина — самоубийство».

Несчастный случай — самоубийство. Как у Стеллы.

Я сфотографировала заметку. Рядом — другая, двумя номерами позже.

«Петиция студентов Аскана. Более ста человек подписали обращение к ректору с требованием пересмотреть дело Лоры Хейз. Петицию отклонили. Организаторы отчислены».

Организаторы. Кто они? Я поискала дальше, но газета не называла имён.

Закрыла подшивку.

Выходя из библиотеки, столкнулась с Джаредом в дверях.

Он посмотрел на меня так, будто я была помехой на его пути. Холодно, с лёгким презрением. Идеальная картинка.

— Фостер, — сказал он, не поздоровавшись.

— Стоун, — ответила я тем же тоном.

— Что ты забыла в архиве?

Я не ответила. Прошла мимо.

— Я с тобой разговариваю, — бросил он вдогонку.

— А я не обязана отвечать.

Он догнал меня, схватил за локоть. Я вырвала руку.

— Не трогай меня.

— Ты лезешь не в своё дело, квотница.

— А ты лезешь ко мне.

— Потому что ты ищешь то, что тебя убьёт. Я пытаюсь тебя спасти, дура!

— Спаси? — я развернулась к нему. — Ты? У которого комната завешана фотографиями Стеллы Митчел?

Он побледнел.

— Это другое.

— Что другое? Слежка? Одержимость? Ты сох по ней, а теперь строишь из себя спасителя?

— Я не обязан перед тобой..., — сказал он тихо. — А ты даже не знаешь, кем она была на самом деле.

Он загородил дорогу рукой.

— Отойди.

— Нет.

Я посмотрела на него в упор. Близко. Так близко, что можно было пересчитать ресницы. От него пахло дорогим одеколоном и чем-то горьким — может, табаком, может, просто им самим.

— Угрожать будешь? — спросила я.

— Предупреждать.

— Отойди, сказала.

Он не убрал руку. Тогда я шагнула вперёд — вплотную, так, что между нами не осталось места. Он вздрогнул, но не отступил. Я смотрела ему в глаза, он — мне. В его зрачках отражался тусклый свет лампы.

— Ты слишком много о себе думаешь, Стоун, — сказала я тихо.

— А ты слишком много лезешь, куда не просят, Фостер.

Я улыбнулась — недобро, с вызовом.

— Боишься, что я что-то найду?

— Боюсь, что тебя найдут мёртвой.

Он сказал это без издёвки. Обыденно, будто обсуждал погоду. И от этого по спине пробежал холод.

— Трогательная забота, — усмехнулась я.

Он дёрнулся — едва заметно, но я почувствовала, как напряглись его мышцы. Его рука, всё ещё преграждавшая путь, дрогнула.

— Ты ничего не знаешь ни про меня, ни про Стеллу.

— Тогда расскажи.

— А ты попроси вежливо.

— Пошёл ты.

Он усмехнулся. Впервые за всё время — не зло, а так, будто я его чем-то удивила.

— Упрямая, как осёл.

— А ты — самовлюблённый павлин.

— Я хотя бы не лезу в подвалы по ночам.

— А я хотя бы не коллекционирую чужие фото.

Мы смотрели друг на друга. Между нами висело напряжение — как лезвие. Ненависть? Да. Но в ней было что-то ещё. Что-то, отчего сердце билось быстрее, а ладони потели. Что-то, что заставляло не отводить взгляд.

— Ты бесишь меня, — сказал он.

— Взаимно, — ответила я.

Он убрал руку — медленно, нехотя. Я прошла мимо, но на полпути остановилась.

— Джаред.

— Что?

— Спасибо, что предупредил. Но я всё равно буду копать.

Он ничего не ответил.

Я пошла дальше, чувствуя его взгляд на своей спине.

В пустом коридоре меня догнал чей-то голос.

— Ирис.

Профессор Корбин стоял в трёх шагах, прислонившись к стене. В руке — дымящаяся кружка.

— Вы следите за мной? — спросила я.

— Я пью кофе, — он сделал глоток. — Ты сегодня была в архиве. И в читальном зале. Ищешь дело Лоры Хейз.

— Откуда вы знаете?

— Грета — моя тётя. — Он усмехнулся. — Она описала приметы.

— Что вы хотите?

— Поговорить. Не здесь.

Он кивнул в сторону двери в конце коридора. Я колебалась секунду. Потом пошла за ним.

Кабинет оказался маленькой комнатухой с высоким окном, выходящим на сад. Стол, два стула, стеллаж с книгами. Корбин сел за стол, указал мне на стул напротив.

— Ты видела дело Лоры Хейз, — сказал он. — И наверняка думаешь, что я причастен.

— А вы причастны?

Он помолчал.

— Я квотник, — сказал он. — Как ты. Пришёл сюда из приюта. Всего добился сам. И меня здесь унижали. Богатенькие детишки, которым всё подавали на блюдечке. Я помню каждую насмешку, каждую плюху. Я не терплю несправедливость.

Он говорил спокойно, но в голосе чувствовалась сталь.

— Не терплю, когда у людей срывает крышу от социального статуса, власти, денег, вседозволенности. Не терплю, когда они чувствуют себя богами. Приземлять их — моя миссия.

— Поэтому вы стали преподавателем?

— Поэтому я остался в Аскане. Не ради денег — у меня их достаточно. Ради того, чтобы смотреть им в глаза и напоминать, что они такие же люди. И что за всё придётся отвечать.

Он помолчал.

— Лору Хейз я не убивал. Но я закрыл её дело, потому что мне приказали. Я был молод и труслив. Теперь я здесь, чтобы исправить то, что не исправил тогда.

— А Стелла?

— Стелла была хорошей студенткой. Талантливой, умной. Она пришла ко мне за месяц до смерти, сказала, что знает правду о Лоре. И что хочет её обнародовать. Я сказал ей: будь осторожна. Она не послушалась.

— Вы знаете, кто её убил?

Корбин посмотрел на меня долго.

— Знаю, что она умерла не из-за олимпиад. Не из-за подтасовок. Это что-то другое. Что-то личное. Кто-то хотел её смерти. Кто-то, кому она мешала.

— Кто?

— Не знаю. Но я знаю про «А».

Я замерла.

— Откуда?

— Стелла говорила. Аспид. Тот, кто убирает неудобных по приказу. Я не знаю, кто это. Но возможно, что Аспид был в подвале в ночь её смерти.

Он протянул мне маленький серебряный значок — печать тайной канцелярии.

— Это даст тебе доступ к закрытым архивам. И защиту. Если тебя схватят — этот значок обяжет их передать дело мне.

Я взяла значок. Серебро холодило пальцы.

— Почему вы мне помогаете?

— Потому что Стелла рано ушла. Это несправедливо. Кто-то должен за это ответить. — Он посмотрел мне прямо в глаза. — Ты похожа на неё. Не внешностью. Характером. Такая же упрямая. Такая же смелая. Я не хочу, чтобы ты повторила её судьбу.

— Спасибо, — сказала я и встала.

— Ирис. — Он остановил меня у двери. — Будь осторожна. Не доверяй никому. Даже мне.

Я вышла из кабинета.

В коридоре снова наткнулась на Джареда. Он стоял у окна, смотрел на сад.

— Корбин? — спросил он, даже не обернувшись. — Он опасен.

— Ты говорил уже.

— И повторю.

Он повернулся. В его глазах была усталость.

— Я знаю, что ты меня ненавидишь. Имеешь право. Но я не враг тебе, Ирис.

— А кто? — спросила я. — Кто враг? Кто убил Стеллу?

Он молчал долго. Потом сказал:

— Не знаю. Но я найду.

Он ушёл.

Я осталась одна.

Вернулась в комнату. Села на кровать. Сжала значок в кулаке.

Корбин — мой преподаватель, бывший студент-квотник. Он ненавидит несправедливость. Он хочет наказать виновных.

Красивые слова. Но можно ли ему верить?

Я пока не знала.

Визуал главы 6.

Глава 7. День лживых улыбок

К полудню выходного дня главный двор превратился в съёмочную площадку.

Репортёров было много — из «Имперского вестника», из «Магического курьера», из «Света Аскана» и ещё из двух изданий. Они толпились у входа, перекрикивались, настраивали магические камеры — громоздкие ящики на треногах, внутри которых пульсировало голубоватое свечение. Кто-то поправлял причёску перед маленьким ручным зеркалом, кто-то переписывал заметки на свежие листы.

Я выглянула из окна общежития и не узнала места, где неделю назад стояла с протянутой рукой, отдавая Лейле последние тридцать крон. Теперь здесь наставили хрустальных ваз с цветами — свежими, только из оранжереи, такими, какие квотники видят раз в году. Развесили флаги двенадцати империй — они трепетали на ветру с идеальной синхронностью, будто их кто-то дёргал за ниточки.

Хлоя возилась с воротником, никак не могла застегнуть верхнюю пуговицу.

— Иди без меня, — сказала я. — Я потом подойду.

Она кивнула и вышла.

Ровно в час из ворот академии показались первые кареты. Чёрные лакированные экипажи с золотыми гербами выезжали один за другим, тормозили у парадного входа. Студенты из элиты выстроились живым коридором — мантии отглажены, пуговицы начищены, улыбки отрепетированы.

Из первой кареты вышла леди Вэйн — мать Лейлы, глава благотворительного фонда «Свет империи». Длинное платье цвета слоновой кости, бриллианты в ушах, улыбка, которая не касалась глаз. Она оглядела двор так, будто проверяла, достаточно ли чисто выметено. Её муж, лорд Вэйн, показался в дверях на секунду и скрылся обратно.

Из второй вышли родители Тиффани.

Из третьей — мать Кэмерона. Одна. Она вышла из кареты, огляделась, увидела сына и заулыбалась — по-настоящему, не для камер. Кэмерон подошёл к ней, наклонился, она погладила его по щеке, что-то тихо сказала.

Родители Джареда не приехали. Пока.

В остальных каретах были другие родители — те, кого я видела впервые. Высокие, важные, в дорогих мантиях. Они здоровались за руки с ректором, улыбались в камеры.

Ректор Соландер встречал каждого с распростёртыми объятиями.

— Добро пожаловать в Аскан! — провозгласил он. — Мы гордимся тем, что такие люди, как вы, поддерживают нашу академию.

Магические камеры загудели.

Лейла вышла вперёд. Сегодня она выглядела как звезда — мантия расшита серебром, на воротнике брошь в виде дракона из чёрного опала с рубиновыми глазами, в волосах заколка с россыпью бриллиантов. Репортёры замахали руками.

— Лейла, расскажите о вашем благотворительном проекте!

Она сделала шаг к магическим камерам, скромно опустила глаза.

— Мой фонд «Свет империи» уже третий год поддерживает одарённых студентов из малообеспеченных семей. За это время мы собрали более полумиллиона крон. Лично я делаю украшения из древних артефактов и драгоценных металлов, продаю их, а деньги перевожу на счета нуждающихся.

— Это правда, что вы сделали брошь для самой императрицы?

— Не для императрицы, — поправила Лейла. — Для её фрейлины. Но императрица заметила. Она сказала, что это искусство.

Репортёры застрочили.

— А правда, что некоторые студенты жалуются на условия проживания?

Лейла округлила глаза.

— О нет! Это всё слухи. Клевета. Мы лично проверяем каждое общежитие. Комнаты чистые, светлые, полностью оборудованные. Правда, девочки? — она обернулась к Тиффани и Камилле.

— Правда, — сказала Тиффани.

— У нас всё замечательно, — добавила Камилла, но голос её дрогнул.

Я вспомнила свою комнату — ободранные обои, плесень в углах. И тихо выругалась.

Лейла достала из рук горничной большую бархатную коробку.

— Я хочу сделать подарок всем девушкам моего курса, — сказала она в камеру. — Потому что мы — одна семья. Потому что в Аскане нет деления на богатых и бедных.

Она подошла к Тиффани — та получила брошь в виде лилии из белого золота. К Камилле — заклепку с сапфирами. К Хлое — маленькую коробочку.

Потом Лейла подошла ко мне.

— Ирис, это тебе.

— Мне не нужно.

— Это бесплатно.

— Мне не нужно от тебя ничего бесплатного. Я сама в состоянии купить.

Лейла улыбнулась. В глазах — холод.

— Тогда десять тысяч крон.

Я полезла в карман. Достала потёртую сумку. Отсчитала двести крон. Всё, что у меня было.

— Остальное буду должна. Буду отдавать. Частями.

Лейла взяла монеты, пересчитала, усмехнулась и сунула их обратно мне в карман.

— Расслабься. Не порти мне кадр, возьми брошь и заberi свои гроши.

Она отдала мне коробку.

Я открыла. Брошь — серебряный феникс с глазами из крошечных сапфиров.

Закрыла.

— Не надену, — сказала Хлое, которая подошла посмотреть.

— Продай.

— Не продам.

— Почему?

— Потому что тогда она подумает, что меня можно купить.

К двум часам репортёры уехали. Ректор объявил родительское собрание. Кареты, которые разъехались, вдруг вернулись. Чёрные, с гербами.

Из первой вышел лорд Рид. Отец Кэмерона. Высокий, седой, с хищным лицом. На мизинце левой руки блеснул золотой перстень — волчья голова. Тот самый. С фото.

Из второй — лорд Стоун. Отец Джареда. Моложе, светловолосый, с таким же холодным взглядом, как у сына. На его руке — такой же перстень. Та же волчья голова.

Они прошли в актовый зал, не глядя по сторонам. Леди Рид сделала шаг к мужу, но он не заметил. Кэмерон напрягся. Джаред стоял у колонны, скрестив руки.

Отец посмотрел на него — коротко, без эмоций. И отвернулся.

Я не пошла в комнату. Я пошла за ними.

Актальный зал был за закрытыми дверями. Я прижалась к стене в пустом коридоре, стараясь дышать тихо. Голоса доносились приглушённо, но я слышала.

— Успеваемость падает, — это ректор. — Особенно по теневой дипломатии.

— Моему сыну нужны лучшие преподаватели, — холодный голос, от которого стынет кровь. Лорд Рид.

— Ваш сын — президент студсовета. Он и так получает привилегии.

— Недостаточно.

— А мой? — другой голос, ниже, спокойнее. Лорд Стоун. — Мой сын вообще не появляется в рейтингах.

— Джаред способный студент. Но ему не хватает...

— Чего? — перебил лорд Стоун. — Мотивации? Дисциплины? Или вы просто не хотите признавать, что мои деньги не работают?

Тишина. Я замерла.

— Мы решим этот вопрос, — сказал ректор. — В индивидуальном порядке.

— Решите, — сказал лорд Рид. — Иначе мы решим его сами.

Дверь открылась. Лорд Рид вышел первым. Увидел меня — прижатую к стене, с горящими щеками. Остановился. Посмотрел сверху вниз.

— Студентка? — спросил он ректора.

— Квота. Факультет теневой дипломатии.

— Подслушивает.

— Я не...

— Не ври. — Он шагнул ко мне. — Как тебя зовут?

— Ирис Фостер.

— Запомню, — сказал он. — Иди. И держи рот на замке.

Он прошёл мимо. За ним — лорд Стоун. Тот даже не взглянул на меня.

Ректор закрыл дверь.

Я осталась одна в пустом коридоре.

В кармане лежала брошь — серебряный феникс с сапфировыми глазами. Подарок Лейлы, который я не просила. Двести крон, которые я отсчитала при всех, показывая свою нищету. Перстни на руках отцов — одинаковые, как две капли воды. Холодные взгляды, которые раздели меня догола, даже не прикоснувшись.

Они приехали сюда не ради детей. Не ради собрания. Они приехали смотреть, как работает их машина. И убедиться, что все шестерёнки на месте.

Я медленно пошла к лестнице. В пустом коридоре мои шаги звучали громко, как удары молота.

Я остановилась у окна. Внизу, на опустевшем дворе, ветер гнал сухие листья по чёрному базальту.

Кто-то из этих людей держал нож. Кто-то из них смотрел, как умирает Стелла. Кто-то заказал убийство, а кто-то его исполнил.

Но сегодня я поняла одно: они не боги. Они всего лишь люди с золотыми перстнями и пустыми глазами. Люди, которые думают, что могут купить всё — успех, власть, даже молчание тех, кого топчут.

Они ошибаются.

Я сжала коробку так, что бархат затрещал.

Визуал к главе 7. Триумф Лейлы

Томас Рид. Отец Кэмерона

Ричард Стоун. Отец Джарерда

Глава 8. Сейф профессора Корбина

Воскресенье в Аскане — день, когда нормальные люди отсыпаются.

После субботней вечеринки элита валялась в постелях до полудня. Боевой факультет, говорят, вообще устроил попойку в общежитии — пили что-то крепкое, пели песни и разбили три окна. Артефакторы, те, кто потише, играли в карты до утра. Дипломаты — элитные, разумеется, — обсуждали субботний ужин, кто в чём был, кто с кем танцевал.

Квотники тоже отдыхали. Кто — спал, кто — стирал форму, кто — просто сидел у окна и смотрел, как по двору ходят важные родители в дорогих мантиях.

Только один факультет не знал покоя.

Целители.

Эти отчаянные ребята учились двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю. У них не было выходных. У них не было праздников. У них даже сна не было, судя по тому, как Хлоя выглядела по утрам — красные глаза, всклокоченные волосы, и вечная банка с солёными огурцами в сумке. Зачем им огурцы, я так и не поняла. Может, ритуал какой целительский.

— Ура! — заорала Хлоя с верхней койки.

Я подскочила. Сердце ухнуло куда-то в пятки.

— Ты чего?!

— Сегодня у меня вскрытие! — Она спрыгнула вниз, чуть не приземлившись мне на голову. — В морге! Новый труп!

— Хлоя, шесть утра.

— А целителям не нужен сон! — гордо заявила она, натягивая мантию на пижаму. — Мы учимся, пока вы спите. Мы познаём тайны тела, пока вы танцуете на вечеринках. Мы...

— Ты пугаешь людей.

— Я спасаю жизни! — Она схватила рюкзак, сунула туда банку с огурцами и вылетела за дверь. — Эдгар, жди, я бегу!

Эдгар. Сокурсник Хлои с целительского. Тоже, видимо, разделял её энтузиазм по поводу трупов. Я представила их парочку — в белых мантиях, с банками огурцов, склонившихся над покойником. Им бы в цирке выступать, а не в морге. Жуть.

Я посидела минуту, приходя в себя от представленной картины.

Сидела я на кровати, сжимая в кулаке ключ от сейфа Корбина. Маленький серебряный прямоугольник с выгравированной цифрой «847». Номер дела Лоры Хейз. Корбин дал его мне вчера, перед родительским собранием, когда мы стояли в пустом коридоре и он шёпотом объяснял, где искать.

— Приходи утром, в воскресенье, — сказал он, оглядываясь. — Никого не будет. Откроешь сейф ключом. Там всё, что я собрал за десять лет. Дела, письма, имена. То, за что меня могли убить. Несколько раз пытались.

— Почему вы живы?

— Потому что они не знают, где это, — ответил он. — И не узнают. Только ты.

Я ему верила. Не потому, что он был честным. А потому, что его ненависть пахла так же, как моя.

Я натянула форму, сунула в потайной карман кристалл-мемор, отмыкающий амулет и ключ. В коридоре было тихо — только где-то далеко капала вода, и эхо разносило этот звук, как удары метронома.

Учебный корпус в воскресенье похож на склеп. Высокие окна пропускали серый свет, но он не разгонял темноту, а только подчёркивал её — делал тени длиннее, углы глубже. Я прошла мимо запертых аудиторий, мимо классной доски, на которой кто-то мелом написал

формулу, но не стёр, мимо портрета Архитектора, висящего в конце коридора. Его пустые глаза смотрели в никуда, и мне показалось, что они следят за мной.

Кабинет Корбина находился на втором этаже западного крыла, в тупике, куда никто не заходил без надобности. Дверь была заперта. Я огляделась — никого. Достала отмыкающий амулет, приложила к замку. Тот щёлкнул, и я скользнула внутрь, прикрыв дверь за собой.

Пахло пылью, старой бумагой и чем-то сладковатым — может, травами, которые Корбин заваривал в своей неизменной кружке. Я замерла на пороге, привыкая к полумраку. Шторы были задёрнуты, и единственным источником света служила тусклая магическая лампа на столе. Её голубоватое свечение выхватывало из темноты стопки книг, пергаменты, разложенные в хаотичном порядке, и фотографию в рамке — девушка с пепельными волосами, очень похожая на Стеллу. Лора Хейз.

Я подошла к столу, провела пальцем по стеклу. Пыльное. Давно не протирал.

Сейф стоял в углу, за массивным креслом, прикрытый выцветшим пледом. Я откинула ткань, присела на корточки. Ключ вошёл в скважину легко, будто его ждали. Повернула — внутри что-то щёлкнуло, и дверца открылась с тихим скрежетом.

Там лежали папки. Много папок. Аккуратно подписанные, пронумерованные, сложенные по годам. Самые старые — десятилетней давности, самые свежие — прошлогодние. Я вытащила верхнюю. «Лора Хейз. 1346 год. Оригинал дела. Не для посторонних».

Открыла. Ничего не нашла отличного от копии.

В глаза бросилась самая толстая папка. Открыла её.

Внутри лежали папки. Много папок. Не дела студентов — документы магической полиции. Официальные бланки, печати, подписи. Я вытащила первую попавшуюся.

«Дело № 847. По факту смерти студентки Стеллы Митчелл. Магическая полиция. Гриф "Секретно". По личному распоряжению ректора».

Открыла.

«13 мая, 23:40. Подвал старого корпуса. Обнаружено тело. На месте задержан Стоун Джаред. Находился рядом с телом, держал в руках нож. Одет в мантию, обильно забрызганную кровью».

Я перевернула страницу.

«Показания Стоуна: "Я получил письмо от Стеллы. Она просила прийти. Когда я пришёл, она уже лежала. Я пытался помочь, взял нож, чтобы перерезать верёвку — она была привязана к трубе. Это не я"».

И постановление.

«В возбуждении дела отказать. Защиту осуществлял его отец — Стоун Ричард, член Императорского Совета. Дело закрыто. Материалы переданы ректору Аскана».

В груди похолодело. Я сфотографировала всё. Даже кривую подпись ректора на постановлении. Руки дрожали, как осиновый лист, но кристалл-мемор исправно впитывал каждую страницу.

В папке нашёлся ещё один листок. Отдельно, вложенный в конверт без маркировки. Почерк Соландера:

«Уважаемый Х. Расследование прекращено. Университет не заинтересован в огласке. Вы обеспечите финансирование нового крыла библиотеки. Вопрос решён».

Так, Ирис, соберись. Давай мыслить логически...

Кто такой мистер Х?

Значит, так. Джареда взяли с ножом, в крови. Должны были посадить. Но возможно его отец договорился. Деньги — библиотеке. Молчание — университету. Свобода — сыну. Логично.

Внезапно за дверью слышались шаги. Сердце забило где-то в горле. Я быстро сложила бумаги, сунула папки обратно в сейф, захлопнула дверцу и, не дыша, скользнула под стол. Шаги прошли мимо кабинета, стихли в конце коридора. Я выждала ещё минуту, затем выскользнула из кабинета и бегом вернулась в общежитие.

Вернулась в комнату. Села на кровать. Кристалл-мемор обжигал ладонь.

Надо было разобраться. Просто. Без этих детективных штучек.

Я взяла лист бумаги и написала:

СПИСОК ПОДОЗРЕВАЕМЫХ

Джаред Стоун

Мотив: неизвестен. Следил за Стеллой, собирал её фотографии.

Почему он не убивал: какой убийца будет вешать фото своей жертвы и коллекционировать их? Это либо маньяк, либо дурак. Джаред не выглядит ни тем, ни другим. Скорее всего, он просто был одержим ею, но не способен на убийство.

Ключевой факт: полиция застала его на месте с ножом в руках последним. Он пришёл позже всех.

Лейла Вэйн

Мотив: ревность. Кэмерон проводил время со Стеллой, и Лейла это видела.

Ключевой факт: на собрании в среду она заявила, что тоже была в подвале и видела Стеллу уже мёртвой. Потом выбежала. Значит, она была там раньше Джареда. Если она видела тело до его прихода, значит, убийство уже произошло.

Вывод: Джаред не мог убить Стеллу, потому что Лейла была там первой и видела её мёртвой. Это могла быть сама Лейла — или кто-то, кто пришёл в подвал до неё.

Кэмерон Рид

Мотив: возможно, ссора со Стеллой. Он был близок с ней, потом отдалился.

Почему он не убивал: у него железное алиби. Он был в театре с Лейлой. Его видели там. Если Лейла его прикрывает, то они действуют заодно. Но тогда непонятно, зачем она вообще пришла на собрание и призналась, что была в подвале.

Ричард Стоун (отец Джареда)

Мотив: защита сына. У него перстень с волчьей головой, как у мужчины на фото со Стеллой.

Почему он мог не убивать: слишком важный, чтобы пачкать руки самому.

Томас Рид (отец Кэмерона)

Мотив: неизвестен. У него такой же перстень.

Почему он мог не убивать: то же самое.

Ректор Соландер

Мотив: замять дело. Получил деньги от «мистера Х». Скорее всего, «мистер Х» — это Ричард Стоун. Соландер шантажировал отца Джаред и выманил у него деньги на библиотеку.

Почему он мог не убивать: он не дурак и вряд ли стал бы пачкаться лично.
Тиффани Кросс И Эсташ Фрид

Мотив: пока никакого.

Слишком много вариантов...

Я отложила перо. Перечитала список.

Значит, Джаред не убивал. Лейла была там до него. Если она говорит правду, то она видела тело раньше. Тогда убийца — тот, кто был в подвале до Лейлы. Или сама Лейла.

Я убрала листок под матрас и только выпрямилась, как дверь распахнулась без стука.

Мадам Бриль.

Она была в своём обычном бордовом платье, с кичой на голове, маленькие глазки-бусинки сверлили комнату, как буравчики. За её спиной маячила Грета — хранительница архивов.

— Фостер, — сказала Бриль, входя. — Встать. Воскресный обыск.

Я встала.

Она прошлась по комнате, провела пальцем по подоконнику. На пальце осталась пыль.

— Грязно, — сказала она. — Обои ободраны. Кровать не заправлена. Свиарник, а не комната.

— Здесь всегда так. Это восточное крыло.

— Не умничай.

Она остановилась напротив меня. Грета закрыла дверь и осталась стоять у входа.

— Общайте, — бросила Бриль через плечо.

Грета двинулась по комнате молча и деловито. Она не суетилась, не хваталась за вещи как попало — работала методично, как следователь. Сначала перетряхнула мой рюкзак. Высыпала содержимое на пол — учебники, косметичку, запасные носки. Всё перебрала, пощупала швы, проверила подкладку. Ничего не нашла и отодвинула ногой в сторону.

Потом занялась кроватью. Сдернула подушку, похлопала по ней, заглянула в наволочку. Стянула простыню. Запустила руку под матрас — и вытащила оттуда мой листок со списком подозреваемых.

Я сжала кулаки, но промолчала. Грета развернула листок, пробежала глазами и молча протянула Бриль.

Та взяла бумагу, прочитала. Губы её скривились.

— Детективные игры, значит, — протянула она. — Записки под матрасом. Список врагов. Очень похвально, Фостер. Очень.

Она сложила листок и сунула его в карман.

Грета тем временем подошла ко мне. Я вытянулась, стараясь дышать ровно. Она начала с левого кармана мантии — пусто. Правый карман — платок. Но когда она ощупала внутренний шов, пальцы её нащупали потайной кармашек, который я зашила накануне.

— А это что? — спросила Грета тихо.

Она достала отмыкающий амулет и кристалл-мемор. Повертела в руках, рассматривая. Амулет отливал тусклой медью — обычная вещица для любого взломщика. Кристалл был тёплым — я не успела его остудить после съёмки.

— Отмычка, — сказала Грета, показывая амулет Бриль. — И шпионский кристалл. Записывающий.

Бриль подошла ближе. Взяла кристалл, поднесла к свету. Внутри него мерцали мутные тени — мои снимки. Дела. Печати. Подписи.

— Что это, Фостер? — спросила она, и голос её стал тихим и опасным.

— Мои вещи, — сказала я. — Кристалл для записей лекций. Амулет для защиты.

— Отмычка для защиты? — Бриль усмехнулась. — Ты меня за дуру держишь? Я знаю, что это. Этим открывают замки.

Я промолчала. Потому что возразить было нечего.

Бриль положила кристалл на ладонь, взвесила, будто прикидывая цену. Потом сунула в карман вместе с амулетом и моим списком.

— Ты отчислена, Фостер, — сказала она ровно. — Немедленно. За взлом учебных помещений, шпионаж и использование запрещённых артефактов.

— Это клевета, — выдавила я. — У вас нет доказательств, что я шпионка.

— А мне и не нужны доказательства. — Бриль шагнула ко мне, так близко, что я видела сетку морщин у её глаз и крошечную родинку на подбородке. — Я хранительница общежития. Моя власть здесь абсолютна. Я могу выгнать тебя за неподобающий внешний вид. Или за то, что ты дышишь слишком громко. Ты думаешь, у тебя есть права? Ты квотница, Фостер. Ты никто.

Она обернулась к Грете.

— Собери её вещи. Все. И вынеси в коридор.

Грета молча начала кидать мои вещи в рюкзак — даже не складывая, просто сгребла в кучу: учебники, рубашки, старую кружку, которую я взяла из дома. Слышно было, как бьётся о дно фарфоровая мыльница.

— Почему? — спросила я. — Зачем вам это?

Бриль остановилась у двери, уже взявшись за ручку.

— Потому что в Аскан едут, — сказала она, не оборачиваясь. — Спонсоры. Меценаты. Газетчики. Им нужна картинка — идеальная академия, где учатся лучшие, где нет скандалов, где всё тихо и чинно. Ты — скандал. Твои вопросы — скандал. Твой список — скандал. — Она повернула голову, и я увидела её профиль — жёсткий, хищный. — Я не допущу, чтобы из-за какой-то оборванки с первого курса сорвались переговоры о новом крыле библиотеки. Мне плевать на твои расследования. Ты — мусор. И мусор надо выносить.

Она открыла дверь, но на пороге задержалась

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.